

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Кафедра рекламы и связей с общественностью

«Мягкая сила» как инструмент внешней политики США

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

Исполнитель:
Карпушина Марина Сергеевна,
обучающийся МБ-41 группы

подпись

дата

подпись

Руководитель:
Химичева Светлана Александровна,
ассистент кафедры рекламы и связей с
общественностью

подпись

Екатеринбург 2018 г.

Оглавление

	с.
Введение	4
Глава 1. История формирования концепции «мягкая сила»	6
1.1. Возникновение и характеристика понятия «мягкая сила».....	7
1.2. «Мягкая сила» как концепция во внешней политике США.....	13
1.3. Виды «мягкой силы».....	25
Глава 2. Роль и место «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе США	33
2.1. Ближневосточный вектор «мягкой силы» США.....	33
2.2. «Мягкая сила» США в отношении стран ЕС и СНГ.....	44
2.3. «Мягкая сила» США во внешнеполитическом взаимодействии с КНР.....	59
2.4. Перспективы реализации «мягкой силы» как инструмента внешней политики США: ситуационный анализ.....	66
Заключение	75
Список использованных источников и литературы.....	78
Приложения.....	83

Введение

Правительства используют военную мощь для того, чтобы выдвигать угрозы, бороться, и при сочетании мастерства и удачи, достичь желаемых результатов в разумные сроки. Экономическая мощь часто является столь же простым вопросом. Правительства замораживают иностранные банковские счета в одночасье и могут оперативно давать взятки или оказывать финансовую помощь (хотя экономические санкции часто требуют длительного времени).

Но «мягкая сила» является более сложной, поскольку многие из её важнейших ресурсов находятся вне контроля правительств, и её последствия в значительной степени зависят от признания со стороны принимающей её аудитории. Кроме того, ресурсы мягкой силы часто работают опосредованно, формируя условия для политики, и иногда для достижения желаемых результатов требуются годы.

Конечно, эти различия являются вопросами степенности. Не все войны или экономические действия быстро приводят к желаемым результатам, чему свидетельствует продолжительность и провал войны во Вьетнаме или о то, что экономические санкции исторически приводили к их предполагаемым результатам только в трети случаев.

В Ираке Саддам Хусейн находился под санкциями более десяти лет, и хотя четырехнедельная военная кампания сломила его режим, это был лишь первый шаг к достижению американских целей в Ираке. Кроме того, иногда распространение информации может быстрее привести к желаемому результату или предотвратить его. Но, как правило, ресурсы мягкой силы медленнее, более диффузны и более громоздки, чем ресурсы жёсткой власти.

Актуальность темы исследования. На протяжении XX в. инструменты невоенного воздействия прочно закрепились в американском внешнеполитическом арсенале, многократно доказав свою эффективность. Баланс сил, поддерживаемый сверхдержавами в эпоху биполярной конфронтации, и гарантированное взаимное уничтожение стимулировали США

сделать ставку на эффективную информационно-пропагандистскую стратегию, привлекательность культуры, образования, политических ценностей, брендов и образа жизни общества массового потребления. История доказала обоснованность таких шагов, отобразив превращение культуры, информации и образовательной политики в могущественное оружие. Также актуальность подтверждается приходом к власти в США Дональда Трампа и его преобладающей «жесткой силой», которая не поддерживается населением как США, так и другими странами, которые видят более разумной и продуктивной концепцию «мягкой силы».

Объектом данной работы являются особенности использования мягкой силы правительством США.

Предметом исследования данной работы является результат последствий и влияние применения мягкой силы правительством США в современной системе МО.

Хронологические рамки исследования рассматривают первые попытки использования США мягкой силы с начала Первой мировой войны (1914 год) по настоящее время.

Изучением «мягкой силы» занимались следующие ученые: Дж. Най, А. Наумов, М. Фразер, Т. Дмитриев, У. Фан и другие. В своих научных трудах они рассматривают применение мягкой силы США. Филимонов Г.Ю. рассматривал «мягкую силу» со стороны культурного влияния. Самуилов С.М. внёс большой вклад в изучение взаимоотношений США и СНГ.

Основным ресурсом источниковой базы является Стратегия национальной безопасности США. Также рассматривались такие сайты как РИА Новости, Би-Би-Си и Иноновости. Также внесли свой вклад в исследование «мягкой силы» следующие авторы статей: А. Фоминых, Э. Соловьёв, Д. Прайст и Э. Розенберг.

Из анализа существующей литературы можно сделать вывод, что предпосылки, история и последствия мягкой силы США в системе

международных отношений была хорошо изучена не только учеными других стран, а также российскими учеными.

Цель выпускной квалификационной работы – изучение ключевых моментов использования мягкой силы во внешней политики США в системе международных отношений.

Задачами данной работы являются:

- Охарактеризовать термин «мягкая сила»;
- Определить виды «мягкой силы»
- Проанализировать внешнюю политику США, изучить нормативно-правовую базу «мягкой силы»;
- Ознакомиться с историей развития мягкой силы во внешней политике США;
- Изучить взаимодействие США с ЕС, Ближним Востоком, Китаем и СНГ с позиции использования «мягкой силы».
- Проанализировать возможные сценарии развития «мягкой силы» США;

В ходе написания выпускной квалификационной работы были использованы следующие теоретические и эмпирические методы: терминологический анализ, сравнительно-исторический анализ, классификация, описание, проблемно-хронологический метод, ситуационный анализ.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложения и списка литературы.

Во введении показана актуальность данного исследования, объект и предмет исследования, его цели и задачи. Перечислены авторы, занимающиеся данной темой, методологическая база и структура исследования.

В первой главе изучены теоретические основы понятия мягкая сила, ее сущность и виды, её подкрепление на государственном уровне.

Во второй главе рассмотрена роль «мягкой силы» в отношениях с другими странами, тенденции и перспективы развития внешней политики США при условии её дальнейшего использования.

В заключении представляются выводы о проделанном исследовании.

Глава 1. История формирования концепции «мягкая сила»

1.1. Возникновения и характеристика понятия «мягкая сила»

Чтобы определить роль мягкой силы как метода ведения внешней политики США, нужно чётко раскрыть само определение «мягкая сила». «Мягкая сила» - это умение привлекать, воздействовать и убеждать в чём-либо кого-либо для воплощения своих интересов и целей на базе сотрудничества, а не принуждать и не прибегать к принуждению. Что в свою очередь уже является выражением «жёсткой силы», которая использует эту силу или же даёт денежные средства в качестве метода убеждения и привлечения на свою сторону. «Мягкая сила» - это способность формировать предпочтения других через привлекательность и притяжение.

Характерной чертой «мягкой силы» является то, что она не является напряжённой, а её, своего рода, валютой является культура, политические ценности и внешняя политика способность формировать предпочтения других через привлекательность и притяжение [Трибрат, В., 2005, с. 29]. В последнее время этот термин используется также для изменения социального и общественного мнения и оказания на него влияния посредством относительно менее открытых и прозрачных каналов и оказание давления на органы власти через мощные политические и неполитические организации. В 2012 году Джозеф Най, политолог и профессор из Гарвардского университета, объяснил, что с мягкой силой «лучшая пропаганда - это не пропаганда», далее объяснив, что в современную информационную эпоху доверие является самым маленьким ресурсом [Най Дж., 2004, с. 296].

Этот термин и был введён Джозефом Наем, который вывел и изложил его в книге от 1990 года «Меняющаяся природа американской власти». В этой книге он писал: когда одна страна добивается того, чтобы другие страны хотели

того же, что и она, это можно назвать «мягкая сила» в отличие от жесткой или командной власти, которая приказывает, другим делать того, что хочет она, навязывает свои интересы. Далее он развил свою концепцию в следующей книге 2004 года «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике». С его подачи этот термин начал широко использоваться в международных делах аналитиками и государственными деятелями. Например, министр обороны США Р. Гейтс говорил о необходимости усиления американской мягкой силы путем «резкого увеличения расходов на гражданские инструменты национальной безопасности - дипломатию, стратегические коммуникации, внешнюю помощь, гражданскую активность и экономическое восстановление и развитие».

Мягкая сила была сильной стороной для Соединенных Штатов практически с самого начала – конечно, задолго до того, как страна стала признанной мировой державой в двадцатом веке. Американская «исключительность» – приверженность нации свободе, верховенству закона и практике республиканского правительства, ее открытость для иммигрантов всех рас и религий, её оппозиция традиционной политике власти и империализму имеет большое отношение к подъему Соединенных Штатов к своей доминирующей в настоящее время глобальной роли [Алексеева Т. А., 2008, с. 33-39].

Радио сыграло в этом процессе значительную роль. Радиостанция, которая стала известна как Голос Америки, быстро развивалось во время Второй мировой войны. По образцу подхода ББС (BBC), к 1943 году у него было 23 передатчика, которые вещали новости на 27 языках [Козырев, Г.И., 2009, с. 64]. После войны, с началом холодной войны и ростом советской угрозы, радиостанция Голос Америки продолжала расширяться. Но так же продолжались дебаты о том, должна она быть пленным поставщиком правительственной информации или независимым представителем американской культуры и мысли. В дальнейшем были созданы новые специальные радиостанции, такие как Радио Свобода и Радио Свободная

Европа, которые приглашали к себе эмигрантов для вещания на восточный блок. В более общем плане, по мере устойчивого развития холодной войны, было разделение мнений на два типа видения ситуации. Между теми, кто выступал за «медленные» средства массовой информации культурной дипломатии и теми, кто выступал за «быстрые» информационные средства. К «медленным» относились искусство, книги, товарообмен, которые имели эффект просрочки. К «быстрым» относились радио, кино и кинохроники, которые обещали наиболее быстрый и видимый взрыв для доллара [Розенберг Э., с. 215-216].

На протяжении всей холодной войны эти два вышеуказанных подхода боролись за то, как правительство должно инвестировать в мягкую власть. «Жёстко» настроенные не уклонялись от прямой пропаганды, в то время как настроенные «мягко» утверждали, что изменение настроений в других государствах является постепенным процессом, который должен идти размеренным темпом и длиться годами [Робертс В. и Дэйбл Т., 2006, с. 14-15]. Также велась борьба за то, куда должны были бы быть направлены и как должны были бы быть свободны от государственного контроля программы, поддерживаемые правительством. В итоге вышло, по словам Рейнхольда Вагнлайтнера, что американские зарубежные культурные программы были «втянуты в водоворот агрессивной антикоммунистической внешней политики». Например, в директиве в то время говорилось, что американские зарубежные библиотеки должны быть объективными, но, с другой стороны, само определение наших библиотек заключается в том, что они являются библиотеками специального назначения. Лучшее, на что мы можем надеяться, - это достичь и сохранить иллюзию объективности.

Существует тонкая грань между информацией и пропагандой. Генри Джеймс-младший, сотрудник Государственного департамента, отметил, что включение журналов, критикующих администрацию Трумэна, и книг по расовым вопросам впечатлило читателей за рубежом наличием и доступностью «достоверностью материала». Атаки сенатора Д. Маккарти произвели короткий

период истерии и цензуры, но новые директивы в 1953 году восстановили баланс.

Эта борьба продолжалась, несмотря на различные реорганизации американских институтов общественной дипломатии на протяжении многих лет. Дебаты о том, как прямо или косвенно правительство должно пытаться контролировать свои инструменты мягкой силы, никогда не могут быть полностью решены, потому что обе стороны делают обоснованные замечания и весомую аргументацию.

Хотя, по-прежнему существует необходимость в предоставлении точной информации населению в таких странах, как Бирма или Сирия, где правительство практически полностью контролирует информацию и СМИ, существует также новая потребность в создании благоприятного имиджа в общественном мнении в таких странах, как Мексика и Турция, где парламенты теперь могут влиять на принятие решений. Когда Соединенные Штаты стремились заручиться поддержкой войны в Ираке в таких странах, растрата администрацией мягкой силы привела к тому, что ее политика стала не благоприятной, а разрушительной. Формирование общественного мнения становится еще более важным там, где авторитарные правительства были заменены новыми демократиями. Даже когда иностранные лидеры дружат, их свобода может быть ограничена, если их народы и парламенты имеют негативный имидж США и его политику [Трибрат, В., 2005, с. 49]. В таких условиях дипломатия, направленная на общественное мнение, может стать столь же важной для результатов, как и традиционные секретные дипломатические коммуникации между лидерами.

Информация - это огромная сила, и сегодня большая часть населения мира имеет доступ к этой силе. Давно прошли те времена, когда «небольшие команды американских офицеров дипломатической службы ездили на джипах в глубинки Латинской Америки и другие отдаленные регионы мира, чтобы показать фильмы с катушками для изолированной аудитории» [К. Росс, с. 252]. Технический прогресс привел к резкому сокращению расходов на обработку и

передачу информации. Результатом является взрыв информации, и это породило «парадокс изобилия». Обилие информации, как известно, приводит к дефициту внимания. Когда люди перегружены объемом информации, с которой они сталкиваются, им трудно понять, на чем сосредоточиться. Внимание, а не информация становится дефицитным ресурсом, и те, кто может отличить действительно ценную информацию от фонового беспорядка и шума, получают власть. Редакторские услуги становятся всё более востребованными, и это в свою очередь источник силы для тех, кто может сказать нам, где именно сосредоточить наше внимание.

Кроме того, общественность стала более настороженно относиться к пропаганде и к потребляемой информации. Среди редакторов и ключевых фигур доверие стало важнейшим ресурсом и важным источником мягкой силы. Репутация становится еще более важной, чем в прошлом, и политическая борьба уже происходит за создание доверия к себе и разрушение доверия к настоящему или потенциальному противнику. Правительства конкурируют за доверие не только с другими правительствами, но и с широким спектром альтернатив, включая средства массовой информации, транснациональные корпорации, неправительственные организации, межправительственные организации и сети научных сообществ [Козырев, Г.И., 2009, с. 92].

Политика превратилась в состязание за конкурентоспособность. Мир традиционной политики власти, как правило, о том, чьи военный потенциал или экономика выигрывает. Политика во время информационного века «может, в конечном счете, быть о том, чья история выигрывает», говорят Американский стратегический исследовательский центр и специалисты корпорации по политике и информации [Г. Симон, с. 30-32]. Правительства соревнуются друг с другом и с другими организациями, чтобы повысить свой собственный авторитет и ослабить авторитет и репутацию своих противников. Станьте свидетелями борьбы между Сербией и НАТО за толкование событий в Косово в 1999 году и событий в Сербии годом позже. До демонстраций, которые привели к свержению Слободана Милошевича в октябре 2000 года, 45 процентов

взрослых сербов были настроены на радио "Свободная Европа" и "Голос Америки", тогда как только 31 процент слушали радио Белграда, контролируемое государством [Богатуров А. Д., 2001, с. 10]. Кроме того, отечественная альтернативная радиостанция В92 предоставила доступ к западным новостям, и когда правительство попыталось закрыть ее, оно продолжало предоставлять такие новости в Интернете.

Репутация всегда имела значение в мировой политике, но роль доверия становится еще более важным ресурсом власти из-за вышеописанного «парадокса изобилия». Информация, которая, как представляется, является пропагандой, может не только быть отвергнута обществом, но и может оказаться контрпродуктивной, если она подрывает репутацию страны в плане доверия. Преувеличенные утверждения о неизбежности применения оружия массового уничтожения Саддамом Хусейном и силе его связей с террористической группировкой Аль-Каидой, возможно, помогли мобилизовать внутреннюю поддержку для возможности ввести войска в Ирак и начать там войну, но последующее раскрытие этого преувеличения нанесло дорогостоящий удар по британскому и американскому авторитету. В новых условиях больше, чем когда-либо, мягкая реклама может оказаться более эффективной, чем жесткая реклама [Давыдов, Ю.П., 2007, с. 64].

В 1963 году Эдвард Мерроу, известный американский тележурналист, который был директором в Информационном агентстве США в Администрации Кеннеди, определил публичную дипломатию как взаимодействие, направленное не только на иностранные правительства, но и, прежде всего на неправительственные лица и организации, и часто представлял различные частные взгляды в дополнение к правительственным взглядам. Как заметил британский эксперт Марк Леонард, скептики, которые рассматривают термин «публичная дипломатия» как простой эвфемизм для пропаганды, упускают из виду суть. Простая пропаганда часто не пользуется доверием и, таким образом, является контрпродуктивной, как публичная дипломатия. Публичная дипломатия также не является просто связью с общественностью. Передача

информации и продажа позитивного имиджа - это часть этого, но общественная дипломатия также включает в себя построение долгосрочных отношений, которые создают благоприятные условия для государственной политики [Леонард М., 2009, с. 26].

1.2. «Мягкая сила» как концепция во внешней политике США

В начале Первой Мировой войны наблюдалось быстрое ускорение усилий по развертыванию мягкой силы. Большинство правительств создали целые подразделения для пропаганды своего дела. США пришли относительно позднее к идее использования информации и культуры в качестве своих дипломатических целей. В 1917 году президент США Вудро Вильсон создал Комитет по общественной информации, которым руководил его друг газетчик Джордж Крил. Задача Крила, по его словам, выражалась как «огромное предприятие в бизнесе, в мире и величайшее приключение в рекламе» [Э. Розенберг, с.79]. Крил настаивал, что деятельность его Комитета не является пропагандистской, а является культурно-образовательной и познавательной. Но факты опровергли его отрицание. Помимо прочего, Крил организовывал экскурсии, выпускал брошюры на тему «Два Евангелие Американизма», учредил правительственную службу новостей, следил за тем, чтобы производители кинофильмов получили военные наделы дефицитных материалов и смотрел, чтобы фильмы изображали Америку только в положительном свете. Канцелярия вызвала немало подозрения, и была упразднена вскоре после возвращения мира.

В конце 1930-х годов администрация президента США Теодора Рузвельта убедилась в том, что «Безопасность Америки зависела от ее способности говорить, излагать свои интересы и завоевывать поддержку людей в других странах». Президент Рузвельт был особенно обеспокоен немецкой пропагандой

в Латинской Америке. В 1938 году Государственный Департамент создал Отдел культурных связей и два года спустя дополнил его Управлением по Межамериканским вопросам при Нельсоне Рокфеллере, которое активно пропагандировало американскую информацию и культуру в Латинской Америке. В 1939 году Германия транслировала в Латинскую Америку 7 часов своей программы в неделю, а Соединенные Штаты около 12 часов. К 1941 году США вещало круглосуточно [Э. Розенберг, с. 208].

После вступления Америки во Вторую мировую войну, культурное наступление американского правительства приобрело глобальный характер. В 1942 году Рузвельт создал Управление информации военного времени для обработки предположительно точной информации, в то время как разведывательная организация Управление стратегической службы включала распространение дезинформации среди своих функций. Даже OWI работал над тем, чтобы превратить Голливуд в эффективный инструмент пропаганды, предлагая некоторые дополнения или изменения к фильмам, отказывая в лицензиях другим. И голливудские руководители, мотивированные одновременно смесью патриотизма и корысти, были счастливы сотрудничать. Задолго до холодной войны американские корпоративные и рекламные руководители, а также руководители голливудских студий продавали не только свою продукцию, но и культуру и ценности Америки, секреты ее успеха всему миру [Р. Пеллс, стр.31-32].

За 46 лет после 1953 года, Центральный институт общественной дипломатии был изменён на Информационное агентство США (United States Information Agency). В 1978 году в него был включен Голос Америки. В 1980-х годах Администрация Рейгана пыталась сделать так, чтобы оба учреждения более непосредственно реагировали на непосредственные цели правительства. В 1999 году Информационное агентство США было упразднено, и его функцию и были переданы Государственному Департаменту, где оно по замыслу должно было быть ближе к политике, в то время как Голос Америки и другие специализированные станции были переданы в ведение нового двухпартийного

органа - Совета управляющих вещанием. В настоящее время Голос Америки вещает на 53 языках примерно для 91 миллиона человек [К. Лорд, стр. 49-55].

Более важным моментом, чем неточности реорганизации, был низкий приоритет, присвоенный мягкой власти в послевоенную эпоху. Президент Эйзенхауэр сказал в отставке, что он должен был взять деньги из военного бюджета для укрепления Информационного агентства США, но это не было типично. «Ни один президент, за исключением Дуайта Эйзенхауэра, не считал директора Информационного агентства важным. В Кубинском ракетном кризисе тележурналист Мерроу не участвовал. Он придумал фразу, что он «хотел бы быть на взлете, а не на аварийной посадке». Даже в разгар холодной войны Франция и Германия тратили значительно больше в абсолютном выражении на политические информационные и культурные коммуникационные функции, чем Соединенные Штаты. В абсолютном выражении – Великобритания и Япония тратили больший процент своих бюджетов. 23% и 14% соответственно, по сравнению с США, которые тратили на ведение мягкой силы 11%. Лидер свободного мира занял пятое место среди ключевых западных союзников по объему государственных инвестиций в ресурсы мягкой силы в 1975 году [В. Робертс, Т. Дэйбл, 2008, с. 23].

С окончанием холодной войны американцы больше интересовались экономией и развитием бюджета, чем дальнейшим инвестированием в мягкую власть. С 1963 по 1993 год федеральный бюджет вырос на 15 раз, а бюджет Информационного агентства США - всего на 6,5 раза. В середине шестидесятых годов двадцатого столетия в агентстве насчитывалось более 12 000 сотрудников, но в 1994 их количество сократилось до 9 000, а вскоре и до 6 715 накануне ее захвата государственным Департаментом. Мягкая сила, казалось, не подлежала восстановлению. В период 1989 - 1999 годов бюджет Информационного агентства с поправкой на инфляцию сократился на 10 процентов. В то время как финансируемые правительством радиопередачи доходили до половины Советского населения каждую неделю и от 70 до 80 процентов населения Восточной Европы во время холодной войны, в начале

нового века лишь 2 процента арабов слышали Голос Америки [Э. Блинкен, с. 287]. Ресурсы для миссии агентства в Индонезии, крупнейшей мусульманской нации в мире, были сокращены вдвое. В период 1995-2001 годов число академических и культурных обменов сократилось с 45 000 до 29 000 в год, и многие доступные культурные центры и библиотеки были закрыты. Для сравнения, Всемирная служба BBC имела 150 миллионов еженедельных слушателей по всему миру, в то время как Голос Америки имел менее 100 миллионов слушателей. Мягкая сила стала настолько отождествляться с борьбой против холодной войны, что мало кто из американцев заметил, что с информационной революцией мягкая сила становится больше, чем просто менее важной. Только после сентября 2001 года американцы вновь осознали важность сохранения инвестиций в инструменты ведения мягкой силы, но в 2003 году "Голос Америки" сократил свои передачи на английском языке на 25 процентов. Публичная дипломатия в современную информационную эпоху, способствующая формированию позитивного образа своей страны, - она же мягкая сила, - не нова, но условия для проецирования мягкой силы в последние годы резко изменились. Во-первых, почти половина стран мира в настоящее время имеют демократический внутриполитический строй [Ф. Захария, 2009, 56]. Конкурентная модель холодной войны стала менее актуальной в качестве руководства для ведения публичной дипломатии.

Мягкая сила опирается на некоторые общие ценности. Вот почему обмены зачастую более эффективны, чем простое вещание. По определению, мягкая сила означает, что другие хотят получить те же результаты, которые вы хотите, и это требует понимания того, как они слышат Ваши сообщения и соответствующим образом настраивают его. Очень важно понимать целевую аудиторию. Тем не менее, финансирование исследований по иностранному общественному мнению составило около 5 миллионов долларов в год и снизилось за последнее десятилетие.

Проповедь у иностранцев - не лучший способ обратить их. Слишком часто политические лидеры считают, что проблема просто в том, что другим не

хватает информации, и что если они просто знают то, что знаем мы, они увидят вещи по-нашему. Но вся информация проходит через культурные фильтры, и декламационные заявления редко звучат так, как задумано. Говорить гораздо менее influentially, чем действия и символы, которые показывают, а также говорят. Вот почему так важны инициативы Администрации Буша по увеличению помощи в целях развития или борьбе с ВИЧ и СПИДом.

Вещание важно, но должно быть дополнено эффективным «узким кастингом» через Интернет. В то время как Интернет распространяется только на элиту во многих частях мира, где большинство людей слишком бедны, чтобы иметь телефон (а тем более компьютер), его гибкость и низкая стоимость позволяют точно ориентироваться. Он также обеспечивает способ передачи информации в страны, где правительство блокирует традиционные средства массовой информации [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 126]. А Интернет можно использовать интерактивно и в сочетании с биржами. Личные коммуникации остаются наиболее эффективными, но их можно дополнить и укрепить с помощью Интернета. Например, сочетание посещений и Интернета может создать как виртуальные, так и реальные сети молодых людей, которые хотят узнать о культуре друг друга. Или Соединенные Штаты могут извлечь урок из Японии и заплатить молодым иностранцам, чтобы они провели год, обучая их языку и культуре в американских школах. Выпускники этих программ могут объединяться, чтобы оставаться на связи через Интернет.

Мало того, что действия должны усиливать слова, но важно помнить, что те же самые слова и образы, которые наиболее успешны в общении с отечественной аудиторией, могут иметь негативные последствия для иностранной аудитории. Когда президент Буш использовал термин «ось зла» для обозначения Ирака, Ирана и Северной Кореи в своем послании о положении дел в Союзе в 2002 году, он был хорошо принят внутри страны, но иностранцы дружно отреагировали против подобного объединения разрозненных дипломатических ситуаций под моралистическим ярлыком [Ф. Захария, 2009, с. 87]. Аналогичным образом, хоть объявление «войны с

терроризмом» и помогло мобилизовать поддержку общественности и Конгресса после 11 сентября, многие иностранные граждане всё же полагали, что Соединенные Штаты затрудняют сотрудничество в борьбе с терроризмом, особенно когда идея войны на неопределенный срок может быть использована для заключения иностранных заключенных [Филимонов Г.Ю., 2010, с. 74].

Даже когда политика и коммуникации «синхронизированы», обладание ресурсами мягкой силы в информационную эпоху затруднено. С одной стороны, как упоминалось ранее, правительственные сообщения составляют лишь небольшую часть от общего числа сообщений между обществами в эпоху, которая наводнена информацией. Голливудские фильмы, оскорбляющие религиозных фундаменталистов в других странах или деятельность американских миссионеров, которые, как представляется, обесценивают Ислам, всегда будут вне контроля правительства. Некоторые скептики пришли к выводу, что американцы должны принять неизбежное и позволить рыночным силам позаботиться о представлении своей культуры и имиджа иностранцам. Зачем вливать деньги в Голос Америки, когда CNN, MSNBC или Fox могут делать работу бесплатно? Но такой вывод слишком поверхностен. Рыночные силы изображают только прибыльные массовые измерения американской культуры, тем самым усиливая зарубежные образы одномерной страны.

Государственная поддержка высоких культурных обменов часто оказывала важное воздействие на ключевые зарубежные элиты. Развитие долгосрочных стабильных отношений не всегда выгодно в краткосрочной перспективе, и поэтому выход на рынок может привести к недофинансированию. В то время как высшее образование может платить за себя, а некоммерческие организации могут помочь, многие программы обмена сократятся без государственной поддержки. Частные компании должны реагировать на рыночные силы, чтобы оставаться на плаву в бизнесе. Если нет рынка вещания на Сербско-хорватском или Пашту, компании не будут вещать на этих языках [Давыдов, Ю.П., 2007, с. 68]. И иногда частные компании будут вынуждены уступать политическому давлению со стороны иностранных

правительств, если это выгодно и лучше для прибыли – к примеру, взять ситуацию, когда Руперт Мердок сбросил BBC, который транслирует некоторые материалы, критикующие Китай, из своих спутниковых телевизионных передач в Китай в 1990-х годах [Иванян Э.А., 2004, с. 163].

В то же время постмодернистская общественность, как правило, скептически относится к власти, а правительству часто не доверяет. Таким образом, правительствам часто приходится оставаться на заднем плане и работать с частными субъектами. Некоторые неправительственные организации пользуются достаточно большим доверием, чем правительства, и, хотя они трудно поддаются контролю, они могут быть полезными каналами связи. Американские фонды, такие как Форд, Фонд Сороса и Фонд Карнеги, а также различные неправительственные организации сыграли важную роль в укреплении демократии в Восточной Европе после окончания холодной войны. Фонд Билла и Мелинды Гейтс сделал больше, чем многие правительства, для борьбы с инфекционными заболеваниями в Африке. Для такой страны, как Соединенные Штаты, которые пользуются значительным иммигрантским населением, диаспоры могут обеспечить культурно чувствительные и лингвистически квалифицированные связи. Построение отношений между политическими партиями в разных странах было инициировано Германией, где основные партии имеют основы для иностранных контактов, которые частично поддерживаются правительственными фондами. Во время правления Администрации Рейгана Соединенные Штаты последовали этому примеру, создав Национальный Фонд за демократию, который выделил средства национальному демократическому институту и международному республиканскому институту, а также профсоюзам и торговым палатам для развития демократии и гражданского общества за рубежом [Шелов-Коведяев, Ф.В., 2009, 58].

Американские компании также могут играть важную роль. Их представители и бренды напрямую затрагивают жизнь гораздо большего количества людей, чем представители правительства. Некоторые деловые

люди, проявляющие и символизирующие общественный дух, предложили компаниям развивать и совместно использовать подготовку по вопросам чувствительности и коммуникации для корпоративных представителей, прежде чем они будут отправлены за границу. Компании могут также взять на себя инициативу в спонсировании конкретных проектов общественной дипломатии, таких как «технологическая компания, работающая с семинарами Сезам и Ливанским вещателем, чтобы совместно производить программу английского языка для детей, сосредоточенную на технологии, область американских достижений, которая вызывает всеобщее восхищение» [К. Рейнхард, стр. 30].

Ещё одно преимущество «мягкой силы» в не прямой публичной дипломатии заключается в том, что она часто способна брать на себя большое количество рисков в культурных обменах. Иногда внутри страны правительству бывает трудно поддерживать ультрасовременное искусство, которое привлекает некоторые иностранные элиты, но оскорбляет популярные вкусы у себя дома. Например, когда Госдепартамент организовал выставку современного искусства в 1947 году, его высмеивали в прессе за растрату долларов налогоплательщиков, и даже сам президент Трумэн критиковал его за то, что он показывал сумасшедших людей [Э. Розенберг, с. 216]. В то время как правительства часто не хотят ослаблять свой контроль, используя косвенную публичную дипломатию, то, что они теряют в контроле, они могут компенсировать доверием, сотрудничая с частными организациями.

Один из способов сохранить контроль, представляя иллюзию отсутствия правительства тайным финансированием через спецслужбы. Например, Центральное разведывательное управление тайно поддерживало бюджеты таких культурных организаций, как Конгресс за культурную свободу на ранних этапах «холодной войны». Даже в то время, были опасения. В самом финансовом смысле проблема заключалась в том, как использовать интеллектуальную свободу в качестве пропаганды, не превращая ее в пропаганду в процессе. Политическая логика этой новой ситуации повлекла за собой скрытое манипулирование либеральными идеалами и их сторонниками.

Однако «тайна» работает только тогда, когда она является тайной, секретной, может быть, и что сложно в информационный век. В частности, в демократии, как США с помощью давления добились от Конгресса отсутствия служебной тайны закон, как в Британии [Иванян Э.А., 2004, 196 с.]. Когда происходит раскрытие (как новость о причастности ЦРУ к культурному обмену пришел через пресс и слушания в Конгрессе в 1970-х годах), цена в плане потери доверия может быть очень высокой. Как правило, лучше вести политику открытости в плане финансирования и создания отношений.

Это не означает, что ЦРУ не играет никакой роли в создании мягкой силы. Напротив, развитие доверия и долгосрочных отношений с дружественными иностранными спецслужбами, а также обмен разведывательными данными могут оказать мощное влияние на восприятие другими странами как событий в США, так и мировых событий, к которым США имеет прямое или косвенное отношение [Давыдов, Ю.П., 2007, с. 159]. Если мягкая сила включает в себя формирование восприятия других, общий интеллект является важным ресурсом мягкой силы. В таких условиях обмен секретной информацией может оказывать прямое и мощное воздействие на политику. Иногда одна только информация, если она является достоверной и убедительной, может изменить политический курс другого правительства, поэтому провалы разведки и преувеличение разведывательных данных в политических целях в преддверии войны в Ираке нанесли такой ущерб американской мягкой силе. Был нанесен ущерб не только общему авторитету правительства, но и весьма эффективному каналу. Другие страны в дальнейшем будут менее склонны доверять или верить сообщениям американской разведки в будущем.

Военные также могут играть важную роль в создании мягкой силы. В дополнение к ауре власти, которая генерируется ее возможностями жесткой силы, военные имеют широкий спектр офицерских обменов, совместной подготовки и программ помощи с другими странами в мирное время.

Международные военные и образовательные программы Пентагона включают занятия по вопросам демократии и прав человека, а также военную подготовку.

Как выразился бывший министр обороны Уильям Перри, подобные межвоенные контакты могут составлять аспект «превентивной обороны», развивая контакты и помогая формировать мировоззрение иностранных военных офицеров в соответствии с американскими подходами. В разное время такие контакты обеспечивали каналы влияния, недоступные с помощью обычных дипломатических средств. Действительно, некоторые наблюдатели беспокоятся, что пять американских военных региональных командиров иногда имеют больше ресурсов и лучший доступ, чем послы в странах в их регионах [Д. Прайст, 2000, стр. 2].

В военное время военно-психологические операции являются важным способом влияния на иностранное поведение и даже устраняют прямые военные средства. Например, вражеский форпост может быть уничтожен крылатой ракетой или захвачен наземными войсками или вражеские солдаты могут быть убеждены в том, чтобы дезертировать и оставить пост незащищенным. Военно-психологические операции часто включают обман и дезинформацию, которая эффективна во время войны, но контрпродуктивна во время мира. Не менее важным в тактике ведения войны является управление новостями для уменьшения неблагоприятных восприятий. Жесткая цензура не всегда является выходом. Аспект мягкой силы, который Пентагон получил право во второй войне в Персидском заливе, был назван «оружием журналистов» [Филимонов Г.Ю., 2010, 36]. Размещение журналистов с передовыми военными подразделениями подрывает стратегию Саддама Хусейна по созданию международного возмущения, утверждая, что американцы преднамеренно убивают гражданских лиц. В отличие от первой войны в Персидском заливе, когда CNN сформулировала проблемы, распространение информационных технологий и появление новых источников, таких как Аль-Джазира, в следующем десятилетии потребовало новой стратегии, чтобы избежать ущерба американской мягкой силе в контексте

войны. Любые другие вопросы, поднятые ею, внедрение журналистов в части была успешная тактика в условиях войны в информационную эпоху.

Проблемы с военной ролью в обладании мягкой силой возникают, когда она пытается применять тактику военного времени в неоднозначных ситуациях. Это особенно заманчиво в нынешней плохо определенной войне с терроризмом, которая стирает различие между обычной гражданской деятельностью и войной. В 2002 году, разочаровавшись в американской публичной дипломатии, Пентагон разработал планы управления стратегического влияния, которое будет предоставлять новостные материалы, в том числе, возможно, ложные, иностранным организациям СМИ в попытке повлиять как на дружественные, так и на недружественные государства. После того, как планы были обнародованы в средства массовой информации, министру обороны Рамсфелду пришлось быстро отказываться от проекта. Но ущерб американскому авторитету и их мягкой силе уже был нанесен.

Наконец, было бы ошибкой рассматривать дипломатию просто как состязание. Иногда существует конкурентная модель «моя информация против вашей информации», но часто могут быть выгоды для обеих сторон. Хорошим примером является немецкая публичная дипломатия времен холодной войны. В отличие от французской публичной дипломатии, которая стремилась продемонстрировать независимость от США, ключевой темой немецкой публичной дипломатии было изобразить себя надежным союзником в глазах американцев. Таким образом, цели германской и американской политики в области информации взаимно укрепляют друг друга [Дэйбл, Робертс, 2008, с. 51]. Политические лидеры могут разделять общие и сходные цели – например, поощрение демократии и прав человека. В таких условиях могут быть совместные выгоды от координации программ публичной дипломатии. Совместная публичная дипломатия может также помочь снять подозрения в узких национальных мотивах [М. Леонард, 2009, с. 27].

Кроме того, бывают случаи, когда сотрудничество, в том числе публичный имидж многосторонних институтов, таких как НАТО или ООН,

может облегчить правительствам использование таких инструментов для решения сложных задач, таких как поддержание мира, продвижение демократии или борьба с терроризмом. Например, во время холодной войны, американская публичная дипломатия в Чехословакии была подкреплена Ассоциацией Соединенных Штатов с прописанными международными конвенциями, поощряющими права человека. В 1975 году многосторонняя Хельсинкская конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе узаконила обсуждение прав человека за «железным занавесом» и имела последствия, которые были непредвиденными для тех, кто подписал соглашение, которое привело к так называемому Заключительному акту. Как заключил бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс, несмотря на первоначальное американское сопротивление, советы отчаянно хотели СБСЕ, они получили его, что и заложило основы для конца их империи [Мэк М. Н., 2011, с. 16].

На законодательном уровне «мягкая сила» в США обеспечивается, в том числе, в плане выделения необходимого бюджета, Актом о внешней поддержке [Стратегия национальной безопасности США. Режим доступа: <http://introvertum.com/wp-content/uploads/2018/01/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата посещения 24.03.2018)]. Происходит это таким путём: каждый год Госдеп и Агентство по международному развитию запрашивают в правительстве США бюджет на реализацию мероприятий, запланированных и предусмотренных Актом о внешней поддержке. Выборка мероприятий, так же, как и необходимая сумма на их реализацию, определяется двумя институтами самостоятельно на основании актуальной повестки дня. В случае изменений международной ситуации Государственный департамент и Агентство по международному развитию США имеют право запросить дополнительные суммы на выполнение иных мероприятий. Помимо этого, в случае изменений международной ситуации непосредственно Конгресс США может также принимать дополнительные акты или иные документы, подлежащие исполнению со стороны Государственного департамента или USAID. Важно, что принимаемые документы и меры, направленные на их

практическую реализацию, должны соответствовать закону от 1961 г. Стоит заметить, что сам Акт о внешней поддержке не является неизменным документом и регулярно корректируется и уточняется Конгрессом США с целью развития внешнеполитических механизмов и придания им законодательной легитимности.

1.3. Виды «мягкой силы»

Госдепартамент США видит в качестве своей основной миссии «обеспечение свободы во благо американского народа и международного сообщества через создание и развитие более демократического, безопасного и процветающего мира, состоящего из грамотно управляемых государств, которые отвечают потребностям своих граждан, способствуют сокращению широко распространившейся бедности и проводят ответственную политику в рамках международной системы» [Bureau of Budget and Planning // U.S. Department of State]. США в ведении политики «мягкой силы» пользовались как общими и базовыми методами, так и своими собственными, индивидуальными методами.

К базовым и общим методам относятся образовательные программы, которые также являлись самыми распространёнными на 2011-2013 гг. Выделим некоторые из этих научных программ:

- Fulbright Program (Программа Фулбрайта). Предназначается для иностранных студентов, художников и молодых специалистов. С помощью данной программы они в течение года или более могут проводить научные исследования или проходить обучение в США. Молодые преподаватели английского языка также могут воспользоваться программой Фулбрайта. За девять месяцев они смогут усовершенствовать уровень владения языком в стране-

носителе, усовершенствовать методы преподавания и расширить кругозор о культуре и быте американцев. Также студенты помимо обучения преподают родной язык другим студентам, обучающимся в принимающем университете.

- Hubert H. Humphrey Program (Программа Хьюберта Хамфри). Рассчитана на один год для молодых специалистов, стремящихся приносить пользу обществу, обладающих качествами лидера, способных из лично составленной обучающей программы вынести максимальную пользу и выгоду.
- Global UGRAD Program (Программа глобального студенческого обмена). Студенты первых-вторых курсов имеют возможность пройти обучение, длительностью в один год, в колледжах и университетах США без получения стипендий. Области берутся следующие: образование, бухгалтерский учёт, экономика, программирование, юриспруденция, сельское хозяйство, бизнес, география США, гостиничное дело, международные отношения, журналистика, политология, психология и социология.
- Future Leaders Exchange (Программа обмена для старшеклассников). Проводится с целью установления дружественных контактов между странами Евразии и США.
- Access (Программа стипендий на изучение английского языка). Программа даёт возможность изучать английский язык, культуру и историю США детям из малоимущих семей.
- Edmund S. Muskie Programme (Программа стипендий Эдмунда Маски). Программа рассчитана на выпускников высших учебных заведений. Может предоставить им возможность после обучения в США получить степень магистра.
- Benjamin Franklin Transatlantic Fellows Summer Institute (Программа Летнего института имени Бенджамина Франклина).

Специализируется на школьниках от 16 до 18 лет из Центральной Азии. Проект позволяет установить и укрепить отношения, базирующиеся на взаимности, между представителями молодого поколения, и научить их совместно разрешать глобальные проблемы современности.

Но использование данных программ не было равномерно распределено по странам, с которыми США сотрудничали, что подтверждает первенство собственных интересов в распространении «мягкой силы». Например, наибольшее количество студентов по образовательным программам прибыло в Америку из стран бывшего СССР и Вьетнама. Меньше всего из Бразилии и Монголии [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 72].

Следующий вектор «мягкой политики» - развитие и поддержание демократических ценностей в других государствах. Данный вектор также получил наибольшее распространение в странах СНГ с переходной политической системой – Украина, Таджикистан, Армения, Киргизия, Узбекистан, - поскольку на такие страны легче всего влиять и вести в них проамериканскую пропаганду. Для этих стран были разработаны программы по финансированию неполитизированных научно-производственных предприятий, малого и среднего бизнеса. Программы затрагивали деятельность в областях равноправия, развития идеи гражданского общества, борьбы с работорговлей, открытости правительства, дипломатического разрешения конфликтных ситуаций, образования.

Ещё один вектор «мягкой политики» заключается в предоставлении гуманитарной и экономической помощи на безвозмездной основе и в возможности другими странами воспользоваться программами развития также безвозмездно.

Если Госдеп считается дипломатическим ведомством и участвовал в ведении как политики «жесткой силы», так и «мягкой силы», то Агентство США по международному развитию было создано конкретно для пропаганды интересов страны «мягкими» методами. С создания в 1961 г. Он объединил в

себе существующие на тот момент разные программы страны по внешней политике. Сегодня Агентство США по международному развитию руководит исключительно невоенной помощью США другим странам, находясь в тесном контакте с Госсекретарем США, хотя формально и остается независимым от Госдепартамента образованием и не находится в его прямом подчинении [Стратегия национальной безопасности США. Режим доступа: <http://introvertum.com/wp-content/uploads/2018/01/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата посещения 24.03.2018)].

Основными целями деятельности Агентства являются следующие задачи:

- помощь в экономическом процветании;
- развитие демократических ценностей;
- защита прав человека;
- улучшение здоровья человечества;
- повышение уровня продовольственной безопасности и сельского хозяйства;
- улучшение экологии;
- дальнейшее образование;
- помощь в предотвращении конфликтов и восстановлении последствий конфликтов;
- оказание гуманитарной и экономической безвозмездной помощи в случаях стихийных и техногенных катастроф.

Существует три аспекта использования «мягкой силы» в дипломатии; все три являются важными, и они требуют различных относительных пропорций прямой правительственной информации и долгосрочных культурных отношений. Первым и самым непосредственным аспектом является ежедневная коммуникация, которая включает в себя разъяснение контекста внутренних и внешнеполитических решений [Блинкен, стр. 290]. После принятия решений правительственные чиновники в современных демократических условиях

обычно уделяют много внимания тому, что говорить прессе и как это делать. Но они, как правило, сосредоточены на внутренней прессе – тем не менее, корпус иностранной прессы должен быть самой важной мишенью для первого измерения общественной дипломатии. Многие правительства ошибаются, объясняя внутренние решения только своей внутренней аудитории, и не осознают эффект своих действий и объяснений своих действия на международный имидж своей страны [Росс К., 2003, с. 68].

Повседневный аспект должен также включать подготовку к урегулированию кризисов и противодействию нападениям. Возможность быстрого реагирования означает, что на ложные обвинения или вводящую в заблуждение информацию можно ответить немедленно. Например, когда Аль-Джазира транслировала первую видеопленку Усамы бен Ладена 7 октября 2001 года, американские официальные лица первоначально стремились помешать Аль-Джазире и американским сетям транслировать сообщения от Бена Ладена. Но в современную информационную эпоху это не только сводит на нет правдивость, но и противоречит ценности открытости, которую Америка хочет символизировать. Лучшим ответом была бы подготовка к наводнению "Аль-Джазиры" и других сетей американскими голосами, чтобы противостоять ненавистнической речи бен Ладена. Хотя Аль-Джазира и другие иностранные сети вряд ли свободны от предвзятости, они также нуждаются в контенте. Как их начальник Вашингтонского бюро пригласил американцев: «пожалуйста, поговорите с нами, эксплуатируйте нас» [Н. Грингрич, «Бедняки госдепа, // Внешняя политика, июль 2003, с.42].

Второе измерение - это стратегическая коммуникация, в которой разрабатывается набор простых тем, очень похожих на то, что происходит в политической или рекламной кампании. Кампания планирует символические мероприятия и коммуникации в течение года, чтобы усилить центральные темы или продвинуть определенную правительственную политику. Иногда это легче спланировать, чем сделать. Например, несколько лет подчеркивания темы Великобритании как лояльного члена Европейского Союза были отменены,

когда в 2003 году Великобритания разделилась с Францией и Германией, чтобы поддержать Соединенные Штаты в войне в Ираке. В глазах общественности многих стран это укрепило нежелательный образ Великобритании как слуги Америки [Росс К., 2003, 69].

Когда Администрация Рейгана решила реализовать двухвекторное решение НАТО о разворачивании ракет во время переговоров об удалении существующих советских ракет средней дальности, Советский Союз ответил согласованной кампанией, чтобы повлиять на европейское мнение и сделать разворачивание невозможным. Темы Соединенных Штатов подчеркивали многосторонний характер решения НАТО, призывали европейские правительства взять на себя ведущую роль, когда это возможно, и эффективно использовали неправительственных американских участников для противодействия советским аргументам. Несмотря на то, что в Германии показали остаточную озабоченность политикой, они также показали, что две трети немецкой общественности были проамерикански настроенными. Как позже заключил бывший госсекретарь США Джордж Шульц «я не думаю, что мы могли бы это сделать, если бы не очень активная программа общественной дипломатии. Потому что советы были очень активны на протяжении всего 1983 года с мирными движениями и всевозможными попытками отговорить наших друзей в Европе от разворачивания» [Иванян Э.А., 2004, с. 151].

Третий этап использования мягкой силы в дипломатии - развитие прочных отношений с ключевыми людьми в течение многих лет через стипендии, обмены, обучение, семинары, конференции и доступ к медиа-каналам. Со временем около 700 000 человек приняли участие в американских культурных и академических обменах, и эти обмены помогли обучить мировых лидеров, таких как Анвар Садат, Хельмут Шмидт и Маргарет. Шарлотта Бирс, бывший заместитель государственного секретаря по общественной дипломатии, отметила, что в таких обменах участвовали более 200 нынешних или бывших глав государств, и что половина лидеров коалиции против терроризма когда-то обменивались визитерами. «Это должно быть лучшее

приобретение в правительстве», - сказала она. Другие страны имеют аналогичные программы.

Каждое из этих трех измерений играет важную роль в создании привлекательного образа страны, который может улучшить ее перспективы для достижения желаемых результатов. Но даже самая лучшая реклама не может продать непопулярный продукт, и политика, которая выглядит как узко эгоистичная или высокомерно представленная, скорее всего, будет потреблять, а не производить мягкую силу [Филимонов Г.Ю., 2012, с. 164]. В лучшем случае, давние дружеские отношения могут привести к тому, что другие будут немного более терпимы в своих ответах. Иногда друзья дадут вам преимущество сомнения или простят более охотно.

Коммуникационная стратегия не может работать, если она противоречит политике. Действия говорят громче, чем слова, и публичная дипломатия, которая, как представляется, является простой витриной для проецирования жесткой силы, вряд ли увенчается успехом. Сэр Майкл Батлер, британский дипломат, который восхищается США объяснил: «если ваше правительство воспринимается как бескорыстное, реакционное и бесполезное, это серьезно мешает вашей способности получить свой путь как США находят на данный момент» [Э. Кауфман, с. 241]. В 2003 году бывший спикер Палаты представителей Ньют Гингрич напал с критикой на Госдепартамент за неспособность продать политику Америки. Но продажа требует внимания к вашим рынкам, и в этом аспекте вина не лежит на Госдепартаменте. Например, Гингрич жаловался на отстранение Америки от работы в Комиссии ООН по правам человека в 2001 году. Но это было в отместку за неспособность Америки выплатить свои взносы ООН (политика, которая возникла в Конгрессе) и одностороннюю политику новой Администрации Буша (которая часто возникла в других исполнительных департаментах против предупреждений Государственного департамента). Сенатор Чарльз Хейгел, республиканец из Небраски, отметил, что после 11 сентября многие люди в Вашингтоне внезапно говорили о необходимости обновленной общественной

дипломатии «чтобы «получить наше сообщение», но упаковка в стиле Мэдисон-Авеню не может предоставлять противоречивое или запутанное сообщение. Нам необходимо пересмотреть основы нашего дипломатического подхода. Политика и дипломатия должны совпадать, или маркетинг становится запутанным и прозрачным шквалом смешанных сообщений» [М. Леонард, стр. 53].

Глава 2. Роль и место «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе США

2.1. Ближневосточный вектор «мягкой силы» США

Ближний Восток представляет особый вызов для американской мягкой силы. Не только страны, откуда были террористы, напавшие на США 11 сентября, но и весь ближневосточный регион не приспособился к модернизации. Половина стран мира являются демократическими, однако ни одна из 22 арабских стран не является демократической. Экономический рост был медленным, приблизительно половина женщин неграмотны, и регион не хорошо интегрирован с мировой экономикой. В 2003 году Всемирный банк сообщил, что рост доходов на душу населения в регионе составлял всего 5% в 1985-2000 годах, военные расходы являются самыми высокими в мире и составляют 6% от ВВП. С населением более 300 миллионов человек, арабские страны экспортируют в мире мало, за исключением нефти и газа, чем делает Финляндия. Число ученых, работающих в арабских странах, составляет около трети от среднего мирового показателя [Братерский М. В., 2002, 55-64 с].

Около половины населения арабского мира в настоящее время моложе 14 лет, и население в целом удвоится в течение следующей четверти века. Безработица колеблется на 20% уровне. В то же время, Ближний Восток наводнен современными коммуникациями, большая часть с антиамериканским уклоном. Он представляет собой особую проблему для «мягкой силы».

Во время «холодной войны» подход Соединенных Штатов к региону должен был способствовать стабильности, которая бы могла предотвратить распространение советского влияния, обеспечить поставки нефти для мировой экономики и обеспечить безопасность для Израиля, одной из немногих демократий [Мэк М. Н., 2011, с. 143]. Американской стратегией было

управление через автократических лидеров и сохранения стабильности в регионе. Во время правления Администрации Рейгана, США даже поддержали Саддама Хусейна как противовес исламскому режиму. По словам посла Эдварда Уокера «в то время как мы говорили о правах человека, экономическом развитии, демократии и верховенстве права, политика и распределение наших ресурсов не отражают нашу риторику. Мы не бросили вызов правительствам изменить ситуацию в регионе и не предложили стимулы для осуществления перемен.

После 11 сентября администрация Буша начала применять новый амбициозный подход в отношении Ближнего Востока. Опираясь на аналогию холодной войны и роли Америки в трансформации Европы, администрация решила, что Соединенные Штаты должны взять на себя долгосрочные обязательства трансформация Ближнего Востока. Устранение Саддама Хусейна было лишь первым шагом [Сизов, В., 2009, 50].

Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс утверждала, что «во многом как демократическая Германия стала стержнем новой Европы, которая сегодня цела, свободна и находится в мире, так и преобразованный Ирак может стать ключевым элементом на совершенно другом Ближнем Востоке, где идеологии ненависти не будут процветать». Но применять «жесткую силу» в четыре недели кампания по свержению Саддама Хусейна была легкой частью. Германия и Япония имели послевоенные истории успеха, но оба были относительно однородными обществами со значительным средним классом, и никакого организованного сопротивления американской «оккупации» не было [Зеленев, И.В., 2005, с. 186]. Демократизация после Второй Мировой войны заняла годы и очень помогала американской «мягкой силе».

Аналогия «холодной войны» полезна для того, чтобы было возможным предположить необходимость долгосрочной стратегии, но эта аналогия также может ввести в заблуждение. Мягкая сила зависит от приемников во власти, и культурные различия между США и Европой были не так велики, как между

США и Ближним Востоком. Таким образом, Европа была более восприимчива к американским ресурсам «мягкой силы», чем ближневосточный регион. С другой стороны, культурные различия не препятствовали становлению демократии в таких странах как Япония или Южная Корея, хотя и с отставанием в четыре десятилетия в последнем случае. И демократия работает в других мусульманских странах, таких как Турция и Бангладеш. Культурный барьер далеко не непреодолим [Истягин, Л., 2009, с. 119-122].

Поскольку автократические режимы на Ближнем Востоке уничтожили свою либеральную оппозицию, радикальные исламисты часто представляют собой единственную альтернативу инакомыслию во многих странах. Радикальные исламисты питаются сопротивлением коррумпированным режимам, противостоянием американской политике и народными страхами модернизации. Они изображают либеральную демократию как коррупцию, секс и насилие, а американские фильмы и телевидение иногда усиливают этот портрет. В то же время модернизация дает образование, рабочие места, больше возможностей и лучшее здравоохранение. Опросы общественного мнения показывают, что большинство населения региона стремится к выгодам торговли, коммуникаций и глобализации, а американские технологии вызывают всеобщее восхищение. Учитывая эту двойственность среди арабских культур, для Соединённых Штатов всё еще есть шанс изолировать экстремистов и навести свои демократические порядки на Ближнем Востоке.

Но демократия не может быть навязана силой. Ключ к успеху заключается именно в политике, которая откроет региональные экономики, сократит бюрократический контроль, ускорит экономический рост, улучшит системы образования и будет способствовать постепенным политическим изменениям, происходящим в таких малых странах, как Бахрейн, Оман, Кувейт и Марокко. Развитие интеллигенции, социальных групп и, в конечном счете, стран, которые демонстрируют, что либеральная демократия может быть совместима с местными культурами, может иметь благотворные последствия, аналогичные тому, как Япония и Корея продемонстрировали, что демократия

может сочетаться с местными ценностями в Азии [Мадатов А. С., 2008, с. 11]. Но это требует времени, а также умелого применения американских (и других) ресурсов мягкой силы.

Как результат «мягкой силы», США активно строили библиотеки и информационные центры, переводили больше западных книг на арабский язык, увеличивали стипендии, улучшали качественно и количественно американское присутствие в интернете и готовили среди арабов больше специалистов по связям с общественностью [Най Дж., 2015, 152 с].

В годы, что предшествовали «арабской весне», исламистские партии развивали что-то вроде одержимости ролью западных держав в поддержке и развитии демократии в арабском мире. Или, скорее всего, не поддерживали её. Исламисты воевали на двух фронтах: они отдавали предпочтение не только репрессивным режимам, но и их международным покровителям.

В январе 1992 года крупнейшая исламистская партия Алжира - Исламский фронт спасения (ФИС) – оказалась на грани исторической победы на выборах, что вызвало большие подозрения того, что военные готовятся выступить против исламистов. В последующие напряженные дни лидер Исламского фронта спасения Абделькадер Хашани обратился к толпе своих сторонников. «Победа опаснее поражения», - предупредил он, призвав их проявлять сдержанность, чтобы не давать армии повода для насильственного вмешательства. Но было уже слишком поздно. Военные прервали выборы, начав массовые репрессии, и ввели Алжир в состояние гражданской войны, которая унесет впоследствии более 100 000 жизней [Давыдов, Ю.П., 2007, 271].

Тот факт, что авторитарные режимы и активистские военные могли рассчитывать на поддержку от Америки и Европейского союза (которого они и добились в 1992 году), сделал Арабские режимы более устойчивыми, чем они были на самом деле. И задача их свержения стала более сложной. Во время первой «арабской весны» в 2004-2005 годах Алжир неоднократно выступал с лидерами «Братьев-мусульман» в Египте и Иордании. Возможно, помня уроки прошлого, несмотря на их растущую популярность, исламистские партии во

всем регионе, проявляли осторожность и бдительность. Они привыкли проигрывать выборы. На самом деле, они проиграли их нарочно. Эта двойственность и даже неприязнь к власти помешали исламистам играть роль, которую, как правило, должны играть оппозиционные партии. Лучшим вариантом было подождать, как они и поступили.

События на Ближнем Востоке и многочисленные политические дебаты вокруг них, как правило, протекают в бесконечных, дезориентирующих петлях. Сирийская гражданская война невообразимо ухудшилась с начала 2012 года (с 7000 погибших до 250 000), но темы обсуждений остаются прежними: ввести в действие безопасные зоны и бесполётные зоны в стране или нет. Алжирские исламисты набрали большую популярность в 1991 году, и военные вмешались, чтобы остановить их; нечто похожее произошло в 2013 году после того, как религиозно-политическая организация Братья-мусульмане пришли к власти в Египте через демократические выборы [Най Дж., 2015, 184 с].

США заняли позицию невмешательства. Но понятие нейтралитета для такой могущественной страны, как Соединенные Штаты, иллюзорно. Бездействие или «отсутствие вреда» означает сохранение или возврат к статус-кво, который на Ближнем Востоке никогда не бывает нейтральным из-за давних отношений Америки с региональными субъектами [Най Дж., 2015, 192 с].

До, в течение и после арабской весны на Ближнем Востоке чрезмерное влияние внешних сил оставалось неизменным. Когда Соединенные Штаты предпочитают оставаться в стороне, то другие стремятся заполнить её отсутствие. Удобная выдумка о том, что иностранные державы мало что могут сделать для помощи в конфликтах с давней исторической ненавистью в регионе, опровергает почти каждое крупное политическое развитие в период после арабской весны.

Первые два восстания в Тунисе и Египте, казалось, разрушили иллюзию того, что арабам приходится ждать. Даже если бы западные державы не были с ними (по крайней мере, сначала они не были), арабы могли бы осуществить свои собственные революции. В Тунисе, где мало что было поставлено на карту

для Соединенных Штатов, высокопоставленные чиновники все еще говорили, что США не принимают сторону всего за несколько дней до падения Зин Аль-Абидин Бен Али. После того, как Бен Али бежал 14 января 2011 года, найдя убежище в Саудовской Аравии, администрация Обамы быстро переменяла курс, выразив свою поддержку революции. США мог обойтись без Тунисского режима, но с большей вероятностью не мог бы обойтись без такого верного союзника как Хосни Мубарак из Египта, яростного противника Ирана и непоколебимого сторонника арабо-израильского мирного процесса. Здесь также давние связи Мубарака с западными правительствами оказались бы недостаточными для сохранения его правления.

С самого начала, был соблазн уменьшить важность других стран в «арабской весне». Стало обычным слышать, что восстания были действительно необходимостью, и что сами арабы не хотели, чтобы другие страны вмешивались в него - вмешательство, которое, как считалось, противоречило бы самому духу революций. Президент Барак Обама и другие официальные лица США неоднократно настаивали на том, что речь идет не об Америке. На самом деле, это было отчасти об Америке не только из-за прошлой роли США в поддержке арабских диктатур, но и из-за решающей роли, которую она должна будет продолжать играть в регионе.

«Мягкая сила» США повлияла на первый этап арабской весны, а в некоторых странах определила её. К примеру, восстание в Египте в 2011 году было эффективно интернационализировано, а иностранные СМИ посвятили бесчисленное количество часов освещению каждого поворота, в процессе поставив этот вопрос на первое место в повестке дня западной политики [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 110]. Соединенные Штаты, используя давние военные связи, оказали давление на египетскую армию, чтобы она воздержалась от применения силы против протестующих людей.

В то время как те, кто восстал, несомненно, были недовольны отсутствием «хлеба и свободы», третий элемент - требование достоинства - было труднее охарактеризовать. Здесь прозападная политика Египта и

предполагаемая подчиненность Соединенным Штатам занимали видное место, в том числе в определяющем скандировании, которое повторилось на площади Тахрир в ночь, когда Мубарак пал: «Вы, египтяне, поднимите голову высоко». Существует многочисленные нападки на Мубарака за то, что он был лакеем Соединенных Штатов и Израиля.

В Египте и Тунисе то, что сделали и не сделали Соединенные Штаты, продолжало иметь большое значение после первых восстаний. Вновь избранные правительства, сталкивающиеся с ухудшением экономических условий внутри страны, нуждались в такой же внешней поддержке, какую они могут получить, в форме прямой финансовой помощи, займов, торговли, возвращения активов и частных инвестиций. Несмотря на трудности в экономике и бюджетные ограничения, Соединенные Штаты были призваны сыграть важную роль. Это был вопрос политической воли. В первые полтора года после восстаний, США предложили или выделили около 2,2 миллиардов долларов в качестве помощи пострадавшим странам от «арабской весны» (для сравнения, США выделили 128 миллиардов долларов в течение четырех лет плана Маршалла в Западной Европе после Второй Мировой Войны). Но более дорогостоящими были решения Администрации Б. Обамы о выходе из Ливии, после успешного военного вмешательства там, решения сделать как можно меньше в Сирии, потакать Нури Аль-Малики в Ираке, когда он расправился с Суннитскими политическими силами, и передать политику по Йемену Саудовской Аравии [Самуилов С. М., 2016, с. 151].

Растущее количество научной литературы указывает на роль международных субъектов в свержении автократов, хотя основное внимание, как правило, уделяется делам, не относящимся к Ближнему Востоку. В своей книге 2010 года политологи Стивен Левицкий и Лукан Уэй предоставляют обширную поддержку тому, о чем многие спорили на протяжении долгого времени. Они пишут «это был вызванный извне сдвиг в стоимости подавления, а не изменения во внутренних условиях, который в наибольшей степени способствовал прекращению авторитаризма в 1980-х и 1990-х годах».

На Ближнем Востоке решающая роль США была вновь подтверждена во время военного переворота в Египте в июле 2013 года, последствия которого были трагическими. За два с половиной года, предшествовавшие отстранению Президента Мухаммеда Мурси от «Братьев-мусульман», Соединенные Штаты не оказали существенного давления на Верховный Совет Вооруженных Сил (ВСВС), который доминировал в переходный период Египта в те ранние, критические дни после революции, а также занимался коррупцией. Соединенные Штаты сделали ставку на то, что переход под руководством военных будет способствовать и управлять процессом демократизации, защищая при этом американские интересы. Однако СКАФ становился все более автономным, кульминацией чего стала одна плохая неделя в июне 2012 года, когда военные и их союзники распустили парламент, восстановили военное положение и издали конституционное дополнение, лишаящее президентство многих из его полномочий.

Был создан прецедент: даже самые вопиющие нарушения демократического процесса получают чуть больше, чем обычные, мягкие выражения озабоченности и неодобрения. Нежелание давления СКАФ будет все более трудным для США в будущем исламистского правительства, такие как Мурси, демократическим стандартам. СКАФ не был избран. Как же тогда Вашингтон может оправдать отказ США в помощи администрации Мурси - первому демократически избранному правительству страны?

После переворота, который случился 3 июля и последующих репрессий против «братства» и других исламистов, ответ США был приглушен. Несмотря на юридическое обязательство приостановить помощь в случае переворота, администрация Обамы вместе с большинством членов Конгресса настаивала на важности сохранения потока военной помощи в Египет. Через месяц после военного вмешательства и в преддверии резни сторонников Мурси возле мечети Рабаа Аль-Адавия—государственный секретарь Джон Керри даже, казалось, поддержал переворот, заявив, что армия “фактически ... восстанавливает демократию” и предотвращает гражданскую войну.

Египетские военные чиновники справедливо сделали ставку на то, что им сойдет с рук то, что стало, по мнению Human Rights Watch, худшим массовым убийством в современной Египетской истории, а также одним из худших массовых убийств в течение одного дня за последние десятилетия в любой точке мира.

После вторжения США в Ирак в 2003 году эксперты расхваливали желательность использования мягкой силы в качестве дополнения к военным действиям в Ираке и других частях мусульманского мира.

Мягкая сила в идеале выходит за рамки простого убеждения и включает в себя желание, способность соблазнять и привлекать людей в других странах, чтобы принять ценности США, действуя как идеологическая рука государства национальной безопасности.

Майкл Чертофф, бывший министр национальной безопасности, говорит о необходимости такой стратегии борьбы с Исламистским экстремизмом и призывает Соединенные Штаты предложить альтернативные идеалы свободы и демократии. Другими словами, - уточняет он, - как и во время холодной войны, ситуацию необходимо рассматривать как войну против идеологии и борьбу за верность мужчин и женщин во всем мире [Сизов, В., 2009, с. 143 с].

Мягкая сила действует отчасти через то, что называется «публичной дипломатией», проецируя то, что считается «американскими ценностями» за рубежом через каналы СМИ, культурный экспорт и создание институциональных обменов с другими странами.

Что касается Ирака, то образовательные инициативы занимают видное место в политическом дискурсе мягкой силы и общественной дипломатии в весьма заметном создании программ обучения иракских ученых за рубежом.

В то время как иракские чиновники имеют инициативы, по которым иракские ученые будут получать опыт за рубежом, необходимый для преобразования образовательной инфраструктуры дома, американские чиновники утверждают, что воздействие университета культуры будут в

памяти иракских ученых с американскими идеалами и, в конечном счете, будет способствовать распространению демократии в Ираке.

Обе характеристики содержат существенные пробелы, относящиеся к контексту этих программ: отсутствуют ссылки на силу образования Ирака до вторжения, полную деградацию инфраструктуры Ирака в 1990-х годах в результате авиаударов США и санкций Организации Объединенных Наций, а также безудержное сектантство, которое сделало жизнь хрупкой для многих иракских ученых.

В рамках более широкого идеологического обоснования вторжения США сформулировали политику в отношении образования, происходящую в контексте гуманитарной и спасательной миссии, убеждения в том, что иракцы нуждаются в спасении от тиранического диктатора. Дискуссии о мягкой силе, в результате, в значительной степени скрывают вину США и ООН в деградации физической и интеллектуальной инфраструктуры Ирака, вызывая условия таких крайних лишений, которые делают обучение почти невозможным за последние два десятилетия.

В этих отчетах состояние иракской системы образования объясняется политикой Саддама Хусейна и партии Баас, при этом не признается роль международного сообщества в ее разрушении. Несмотря на свою ужасающую репутацию в области прав человека, режим Хусейна сделал многое для модернизации Ирака, осуществляя бесплатное образование, создавая электрическую сеть, увеличивая сельскохозяйственное производство и создавая систему здравоохранения, которая обслуживает около 93% населения.

Основанная в 1921 году система образования Ирака состояла из шести лет начальной школы, трех лет в переходной и три года в средней подготовительной к университетскому образованию.

Опираясь на эту структуру, правительство Ирака в 1975 и 1976 годах расширило сферу образования посредством трех инициатив, которые включали введение обязательного начального образования, установление права на

бесплатное начальное образование на университетском уровне и начало национальной кампании по ликвидации неграмотности.

Эти значительные инвестиции в образование, по данным Управления координатора ООН по гуманитарным вопросам в Ираке, привели к созданию одной из лучших систем образования в арабском мире с почти 100% зачислением в начальную школу, 80% уровнем грамотности и научно-техническими учреждениями, отвечающими международным стандартам.

Значительные успехи иракской системы образования, достигнутые в конце 1980-х, быстро испарилась в 90-х, когда Соединенные Штаты начали воздушную кампанию против Ирака в 1991 году, и в стране не было воды, санитарии и инфраструктуры электроснабжения для расширения влияния экономических санкций ООН, которые были наложены на Ирак в августе 1990 года.

В результате произошла гуманитарная катастрофа. Особенно для детей, смертность которых от недоедания и болезней, передаваемых через воду, таких как холера, тиф и дизентерия, резко возросла. Санкции оказали пагубное воздействие на все аспекты повседневной жизни: они препятствовали восстановлению физической инфраструктуры страны, способствовали росту безработицы, привели к возникновению чрезвычайной ситуации в области здравоохранения и обострили социальную структуру.

Помимо учащихся, страдающих от недоедания, возникла острая нехватка учителей, учебников, школьной мебели, компьютеров и даже письменных принадлежностей, что делает обучение практически невозможным.

Эти условия выражаются в резком снижении посещаемости школ, росте отсева учащихся на промежуточном и подготовительном уровнях, а также в тревожном падении уровня грамотности, который ЦРУ оценивало в 79% в 2015 году. Кроме того, в период 1991-2003 годов не проводилось никакого серьезного пересмотра учебных программ [Козырев, Г.И., 2009, с. 126].

26 июля 2010 года на сайте WikiLeaks были опубликованы 92 тысячи документов, связанных с войной в Афганистане в период с 2004 по конец 2009

года. Информация из них была перепечатана ведущими мировыми изданиями — британской The Guardian, американской The New York Times и немецким журналом Der Spiegel. В этих документах, в частности, содержится ранее не сообщавшаяся информация о гибели в Афганистане мирных жителей.

23 октября 2010 года сайт опубликовал около 400 тысяч документов, посвящённых войне в Ираке. Как говорится на сайте, 391 832 военных отчёта, получившие название «Иракское досье», охватывают период с 1 января 2004 г. по 31 декабря 2009 г. Первоначально данные можно было найти на сайте газеты The Guardian, однако впоследствии они были удалены. США обвиняют в утечке информации военнослужащего разведподразделения армии США Брэдли Меннинга [Валовая, М.Д., 2015, с. 136]

На настоящий момент, с приходом на пост президента США 20 января 2017 года Дональда Трампа, отношения США с Ближним Востоком обострились. Он настаивает, что посольство США нужно перенести из Тель-Авива в Иерусалим, который он называет "вечной столицей израильского народа". В глазах палестинцев этот жест означал бы отказ Вашингтона от поддержки "принципа двух государств". А в мае 2018 года Трамп объявил о намерении выхода США из иранской ядерной сделки. Во время своего выступления в Белом доме американский лидер также упомянул, что вновь введёт в отношении нефтяного сектора Ирана санкции, которые были сняты в рамках соглашения.

2.2. «Мягкая сила» США в отношении стран ЕС и СНГ

В конце XIX - начале XX века, США пришли к идее, то их внутренняя и внешняя безопасность зависит не только лишь от господства Америки в Западном полушарии, но и от баланса сил на евразийском континенте.

Наиболее крупным прецедентом использования «мягкой силы» в Европе был План Маршалла, также известный как «Программа восстановления Европы». Благодаря ему было направлено более 13 миллиардов долларов на финансирование экономического восстановления послевоенной Европы [Филимонов Г.Ю., 2013, с. 34]. План действовал в течение четырех лет, начиная с 3 апреля 1948 года. Целями Соединенных Штатов были восстановление истощённых войной регионов, устранение торговых барьеров, модернизация промышленности, улучшение европейского процветания и предотвращение распространения коммунизма. План Маршалла требовал ослабления межгосударственных барьеров, снижения многих нормативных актов и способствовал повышению производительности труда, членству в профсоюзах, а также принятию современных бизнес-процедур.

Помощь по плану Маршалла была поделена между государствами-участниками примерно на душу населения. Большая сумма была предоставлена крупным промышленным державам, поскольку их реанимация имело наиболее важное значение для общего возрождения Европы. Крупнейшим получателем денег Маршалла план была Великобритания (около 26% от общей суммы), далее следуют Франция (18%) и ФРГ (11%) [Иванян Э.А., 2004, с. 102]. Хотя СССР предлагали участие, но он отказался от льгот, а также запретил принимать льготы странам Восточного блока, таких как Венгрия и Польша. США предоставили аналогичные программы помощи в Азии, но они не были частью плана Маршалла.

С 1948 по 1952 годы наблюдался самый быстрый период роста в европейской истории. Промышленное производство выросло на 35%, сельскохозяйственное производство существенно превысило довоенный уровень. Нищета и голод в послевоенные годы исчезли, и Западная Европа вступила на путь беспрецедентного роста, который резко повысил уровень жизни. Кроме того, долгосрочный эффект экономической интеграции существенно повысил уровень доходов в Европе, почти на 20 процентов к середине 70-х годов. Среди историков существует дискуссия о том, насколько

это является последствием плана Маршалла . Большинство отвергает идею о том, что только он возродил Европу, поскольку свидетельства показывают, что общее восстановление уже началось ещё до него. Большинство считают, что план Маршалла ускорил это восстановление, но не инициировал его. Многие утверждают, что структурная перестройка, которую она породила, имела большое значение. Экономические историки Дж. Брэдфорд Делонг и Барри Айхенгрин называют это «самой успешной программой структурной перестройки в истории». Одним из результатов плана было то, что он тонко «американизировал» европейские страны через новое воздействие американской популярной культуры, включая рост влияния голливудских фильмов и рок-н-ролла [Истягин, Л., 2009, с. 112].

Влияние плана Маршалла на политику, возможно, было настолько же важно, как и на экономику. Помощь по плану Маршалла позволила странам Западной Европы ослабить меры жесткой экономии, уменьшить недовольство и обеспечить политическую стабильность. Коммунистическое влияние на Западную Европу значительно сократилось, и во всем регионе коммунистические партии утратили свою популярность. Торговые отношения, поддерживаемые планом Маршалла, помогли сформировать Североатлантический Альянс, который сохранялся на протяжении всей холодной войны в форме НАТО. В то же время, неучастие государств Восточного блока было одним из первых явных признаков того, что континент стал разделен.

Политика с большой вероятностью будет привлекательной, если она будет основываться на ценностях, которые разделяют другие. Так, благодаря дальновидному курсу, в ходе которого был воплощён план Маршалла, европейцы с радостью приняли лидерство за Америкой [Давыдов, Ю.П., 2007, с. 68]. Однако выражавшаяся в этом лидерстве «мягкая сила» США подкреплялась значительным совпадением ценностей американцев и европейцев.

Но если в том или ином государстве приходят в восхищение от американских ценностей, это совсем не означает, что его народ должен имитировать пути, какими американцы превращают их в жизнь. Несмотря на бесспорную притягательность свободы слова в Америке, такие страны, как, например, Германия, имеют за плечами свою историю, которая вынуждает их держать под запретом любые проявления ненависти, не наказуемые в Америке. Многим европейцам симпатизирует приверженность Америки свободе, но у себя дома они отдают предпочтение политике, сдерживающей неolibеральный индивидуализм в экономике и насыщенной большей заботой об обществе. После окончания «холодной войны» две трети чехов, поляков, венгров и болгар считали, что Соединенные Штаты оказали благотворное влияние на их страны, однако менее четверти населения этих стран хотело перенять американскую экономическую модель.

Также сыграла значительную роль культурная привлекательность США для Европы. Голландский историк Роб Кроес указывает, что плакаты, выпускавшиеся пароходными компаниями и эмиграционными обществами в Европе в XIX веке, задолго до потребительской революции XX столетия создали представления об американском Западе как о символе свободы. Молодые европейцы росли и создавали у себя мир, который многое перенял у Америки. Кроес утверждает, что в 1944 году коммерческая реклама, в которой содержались ссылки на провозглашенные Франклином Рузвельтом «четыре свободы» и развивались соответствующие идеи, имела значение урока по основам гражданственности. Поколение за поколением, молодежь в самых разных европейских странах - и к западу, и к востоку от «железного занавеса» - открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выразить собственную индивидуальность [Кроес Р., 2009, http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/2005/ghi_12/www.ghi-dc.org/conpotweb/westernpapers/kroes.pdf].

Такое воздействие массовой культуры помогло Соединенным Штатам добиться определённых успехов в достижении, по крайней мере, двух важных целей. Одна из них - демократическая реконструкция Европы после Второй мировой войны. Создание НАТО и план Маршалла стали важнейшими инструментами поддержания экономического и военного лидерства, служившего движению в этом направлении. Но и массовая культура была важным элементом мягкой гегемонии. Быстрая адаптация многих европейцев к американской поп-культуре после Второй мировой войны вприснула молодую энергию и в элитную культуру послевоенной Европы, поскольку охотно усваивались такие простые принципы, как свобода, легкость, жизнерадостность, либерализм и современность. Доллары, инвестированные в рамках плана Маршалла, были важны для достижения американских целей в реконструкции Европы, но не менее важными были и идеи, привнесенные с американской массовой культурой [Самуилов С. М. 2016, с. 167].

Из среднестатистических оценок по десяти европейским странам, где опросы проводились в 2002 году, видно, что две трети респондентов одобрительно относились к американской массовой культуре и американским успехам в науке и технике, но всего лишь одна треть высказывалась в пользу распространения американских идей и обычаев в их стране [Давыдов, Ю.П., 2007, с. 75]. И это не так уж ново. В 1980-х общественное мнение четырех крупнейших европейских стран благосклонно оценивало состояние американской экономики, а также систему американского правопорядка, религиозных свобод и разнообразия в искусстве. В то же время менее половины опрошенных англичан, немцев и испанцев рассматривали американскую модель устройства общества как желательную для своих стран. То, как Америка ведёт внутреннюю политику, может улучшать её привлекательность и способствовать восприятию её правильности, а это, в свою очередь, может помогать в продвижении её внешнеполитических интересов.

К концу XX века и в Европе, и в США усилилась взаимная критика. Большой потенциал мощи США начал беспокоить Европу ещё до

президентства Джоша Буша-мл. Юбер Ведрин, министр иностранных дел Франции, назвал Соединённые Штаты гипердержавой уже в конце 1990-х. Эту обеспокоенность начали усиливать стиль и содержание ведения внешней политики администрации. Всплеск симпатий по всему миру к Америке был после терактов 11 сентября, но действия в Ираке быстро свели этот ресурс к минимуму. После войны неблагоприятное представление о США сложилось во многих странах Европы. У большинства из тех, кто разделял подобные представления, они ассоциировались с политикой администрации Дж. Буша-мл., а не конкретно с Америкой. Однако, на общенациональных выборах в ряде европейских стран, отношения с США стали одним из самых острых вопросов.

Война в Ираке – не единичный случай, когда неоднозначный курс правительства США подорвал собственный имидж в Европе. Можно выделить следующие периоды:

- 1950-1960 гг. во время кампании по запрету атомного оружия (в основном это коснулось Франции и Англии);
- последствия Суэцкого кризиса в 1956 году;
- война во Вьетнаме в конце 1960-х - начале 1970-х;
- во время размещения ядерных ракет средней дальности в Европе в начале 1980-х.

Другая причина недовольств в Европейцев имеет структурный характер. С распадом СССР биполярный баланс военной мощи исчез, США стали единственной сверхдержавой и в этой роли вызвали смесь восхищения, зависти и страха. Еще в середине 1970-х большинство опрошенных в Западной Европе заявляли, что предпочитают скорее равное распределение сил между Соединёнными Штатами и СССР, чем лидерство США [Рукавишников О.В., 2005, с. 54]

Для некоторых жителей Европы, в особенности для французов, воссоздание многополюсности является важной целью в политике ЕС. Но пока европейские общества не придут к решению о нужности значительного увеличения расходов в военной сфере, многополюсность в военной области

имеет маленькую вероятность. Более реальной задачей для Европы представляется задача создать противовес экономическому могуществу и «мягкой силе» США, используя его для ограничения унилатерализма.

Некоторые защитники новой односторонности не берут в расчет нынешний рост антиамериканских настроений, считая их неизбежным следствием величия Америки. Другими словами, если европейские обиды неизбежны, их можно и не брать в расчёт. Это неправильная точка зрения. США были недостижимо сильны и в 1990-х, но далеко не так непопулярны. Как еще сто лет назад заметил президент Т. Рузвельт, когда у тебя есть большая дубинка, лучше разговаривать поделикатнее [Сизов, В., 2009, с. 135]. В противном случае сходит на нет «мягкая сила». Несмотря на то, что масштабы могущества США действительно с необходимостью ставят их в положение лидера и превращают в объект и недовольства, и преклонения, — несмотря на это, и существо, и стиль американской внешней политики могут повлиять на имидж страны и легитимность ее политического курса, и, следовательно - и на «мягкую силу».

Некоторые аналитики предрекают, что США и Европа идут по пути раздоров и конфликта. Однако, новые угрозы со стороны международного терроризма потребуют их кооперации и совместных действий. Невозможно победить терроризм вне взаимодействия с другими странами. Несмотря на существенные разногласия по Ираку, Европа и Соединенные Штаты смогли наладить сотрудничество в сфере антитеррористических мер.

Экономические интересы также играют консолидирующую роль. Если посмотреть на атлантическую экономику с точки зрения прямых иностранных инвестиций, то, несмотря на неизбежные торговые споры, видно, что она остается на высоком уровне интеграции. Но что еще более важно, несмотря на определенные различия ценностей, нет в мире двух других регионов, население которых глубоко привержено принципам демократии, индивидуальной свободы и защиты прав человека. Р. Кейган, переосмысливая свои аргументы, в заключении к своей книге написал, что, будучи демократическим

государством, США нуждаются в легитимизации своей внешней политики [Р. Кейган, 2004, с. 36]. Вопреки точке зрения приверженцев новой односторонности, считающих американскую демократию «оправдывающей самое себя», опросы общественного мнения показывают, что на самом деле американцы жаждут одобрения со стороны других демократий. А Европа еще долгое время будет оставаться домом для большинства таких демократий.

Другим вектором развёртывания влияния США стали страны бывшего СССР: после распада Советского Союза в 1991 г. и появления целого ряда новых независимых государств Центральная Азия снова заняла одно из основных мест во внешней политике Соединенных Штатов Америки [Истягин, Л., 2009, с. 67].

Изменения политической картины мира, обусловленные распадом СССР и образованием новых независимых государств на постсоветском пространстве, привели к формированию новой ситуации в центральноазиатском регионе. Произошла трансформация Центральной Азии из периферийного региона в регион, занимающий ключевые позиции в системе политических координат евразийского пространства. Одним из важнейших факторов, повлиявших на возрастающее значение Центральной Азии и определяющих ее новую политическую роль, является потенциал транспортного комплекса и, прежде всего, его транзитная составляющая, а также существенные запасы энергоресурсов, в первую очередь нефти и газа.

Центральноазиатский регион имеет достаточно широкую транспортно-коммуникационную сеть, он расположен на стыке евроазиатских железнодорожных магистралей. Через Иран он имеет выход к Персидскому заливу, через Афганистан и Пакистан - к Индийскому океану, через Китай - в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Уже к середине 1990-х гг. все очевиднее расширение американского присутствия в данном регионе. Важным звеном американской политики являлось создание новой системы трубопроводов (Баку - Тбилиси - Джейхан, Туркменистан - Афганистан - Пакистан) и транспортного коридора Европа -

Кавказ - Азия (ТРАСЕКА) в обход России. Все это подается как помощь государствам Центральной Азии в решении жизненно важных задач, в стремлении к содействию переориентации их экономик и на внешние рынки. На самом деле это означает реализацию далеко идущих планов США по дальнейшему отдалению бывших советских среднеазиатских республик от России и закреплению американского присутствия в этом регионе мира.

Одним из элементов этого плана является Великий шелковый путь из Азии в Европу. Реализация проекта возрождения Великого шелкового пути в современном варианте означает создание в третьем тысячелетии по всему периметру российских государственных границ мощной системы транспортных коммуникаций, обеспечивающих республикам Центральной Азии и Закавказья выход на мировые рынки в обход России. Это неизбежно ослабит влияние России и укрепит позиции соперников. Создание евро-азиатского транспортного коридора будет способствовать и потере российской монополии на транспорте в этом регионе, и захвату ведущими мировыми и региональными державами главных экономических, политических и военных позиций.

Политика России в начале 1990-х гг. испытывала серьезные ограничения, вызванные последствиями распада СССР, сложностями переходного периода, трудностями в самоопределении в качестве современного субъекта в мировой политике, системе международных отношений, экономическом состоянии государства. Готовность России пойти на многое ради партнерства с США и Европой не привела к ощутимым результатам: не было получено широкомасштабной экономической помощи, произошло расширение НАТО, Россию часто критиковали за политику в странах СНГ.

В это время политика со стороны США, КНР, ЕС, Турции, Пакистана, Ирана и Индии продолжала основываться на стремлении максимально использовать свои внутренние и внешние ресурсы для закрепления в регионе. Вашингтон пытался не просто ослабить зависимость центральноазиатских республик от системы российских коммуникаций, ему нужно было полностью

разрушить транспортную монополию Российской Федерации на Евразийском континенте [Рукавишников О.В., 2005, с. 149].

Вторая важная составляющая политики великих держав в центральноазиатском регионе - борьба за энергетические ресурсы. Центральноазиатские государства обладают значительными разведанными запасами нефти (около 2 % всех мировых запасов) и 3,8 % разведанных газовых ресурсов. Прогнозируется, что к 2010 г. производство каспийской нефти (включающее производство в Азербайджане) может достигнуть 60 % от текущей добычи месторождений в Северном море, производство газа вырастет до 210 млрд куб. м в год, что составит около 2-3 % мирового газового потребления [Самуилов С. М., 2016, с. 41].

В политико-экономическом отношении Центральная Азия больше не является единым целостным регионом из пяти постсоветских республик. Скорее, это комплекс неравнозначных государств с различной стратегией развития, результатами и политическими ориентациями. Так, доказанные резервы казахстанской нефти оцениваются в размере 9-29 млрд баррелей. В последние годы производство составляло 1,2 млн баррелей нефти в день, из которых только 200 тыс. потреблялось на внутреннем рынке. К 2015 г. казахстанская сторона планирует довести производство нефти до 3,5 млн баррелей в день. Крупнейшими в Центральной Азии игроками в газовой сфере являются Туркменистан с доказанными запасами в 3 трлн куб. м, Казахстан (около 2 трлн куб. м) и Узбекистан - 1,86 трлн куб. м. Киргизстан импортирует все количество природного газа, потребляемое страной - 1,5 млрд куб. м. Таджикистан также импортирует существенную долю потребляемого страной природного газа [Козырев, Г.И., 2009, с. 203]. Направленность развития ситуации в каждом из государств Центральной Азии и в регионе в целом во многом может определить перспективу баланса сил на обширном пространстве евразийского континента.

В 80-90-е гг. XIX в. американское руководство стало разрабатывать глобальные планы. Появился ряд геополитических теорий и доктрин, которые

должны были обосновывать и оправдывать экспансию и цивилизаторскую миссию США. Среди авторов таких концепций особое положение занимал адмирал А. Мэхэн, заложивший доктринальный фундамент божественной и геополитической предопределенности американского могущества. Предопределенную судьбу США он видел в мировой экспансии, инструментом которой являлся бы морской флот. Согласно взглядам А. Мэхэна, США надлежало в первую очередь обеспечить за собой неограниченный контроль над Карибским бассейном, а вслед за тем - обратить свои взоры на Тихий океан [Крейгор Н., Режим доступа: <http://forum.msk.ru/00261Q0033/html27> (дата обращения 02.03.2018)]. Отсюда вытекал открытый призыв к захватам в огромных тихоокеанских просторах.

Вне поля зрения А. Мэхэна не осталась и Евразия. Именно он начал разрабатывать геополитические установки американского экспансионизма в этом районе земного шара. Геополитической важной частью Евразии для А. Мэхэна являлась полоса между 30-й и 40-й параллелями, простирающаяся от Китая до Средиземного моря. А. Мэхэн считал, что это «оспариваемое и спорное» пространство, в котором будут сталкиваться интересы морских сил - США и Великобритании - и интересы сухопутной континентальной силы - России. Это «оспариваемое и спорное» пространство никому не принадлежит, оно ничье, считал А. Мэхэн, и грядущий захват Евразии должен начаться с установления американского контроля над этим пространством [Крейгор Н., Режим доступа: <http://forum.msk.ru/00261Q0033/html27> (дата обращения 02.03.2018)].

В принципе в Вашингтоне всегда уделяли внимание прочности американских позиций в Евразии. Однако американцев занимали почти исключительно опорные точки в ее прибрежно-островной зоне. Лишь в последние 18 лет «эпицентр» американской политикостратегической активности сместился к глубинным материковым частям Евразийского континента. Окончился двухсотлетний период ориентации на освоение Евразии

«с моря» - стратегии, перенятой в свое время Соединенными Штатами у Великобритании.

После распада СССР позиции США в регионе стали заметно усиливаться. Именно первые несколько лет после обретения независимости центральноазиатскими республиками характеризовались наиболее активным налаживанием отношений государств региона с США и западноевропейскими странами. В свою очередь заинтересованность Соединенных Штатов в регионе Центральной Азии была обусловлена значимостью региона, имеющего как стратегическое месторасположение между Россией, Китаем и государствами «Исламской дуги», так и обладающего богатыми природными ресурсами, особенно углеводородными.

В соответствии с этими интересами главный вектор политики США в регионе направлен, во-первых, на сокращение экономического и политического присутствия России в регионе и создание условий, обеспечивающих невозможность восстановления ею своего влияния. Вторая составляющая этого вектора - отстранение от «Большой геополитической игры» таких потенциальных игроков, как Китай и Иран, и создание условий, обеспечивающих возможность США оказывать экономическое и политическое воздействие на эти страны с территории Центральной Азии [Давыдов, Ю.П., 2007, 164].

За полтора десятка лет политика США на постсоветском пространстве претерпела определенную эволюцию. С точки зрения хронологии в политике США в Центральной Азии можно выделить четыре периода.

США в целях обеспечения безопасности экспорта нефти и газа из региона и инвестиций в энергетический сектор стали более активно реализовывать Программу «Партнерство ради мира», а также программы военной помощи, в частности, Казахстану и Киргизии. Активизация деятельности в рамках Программы «Партнерство ради мира» в Центральной Азии была направлена на то, чтобы ориентировать региональное сотрудничество в сфере безопасности в сторону Запада. Важным элементом этого процесса стало формирование

Центральноазиатского батальона, созданного в декабре 1995 г. по инициативе США. Этот батальон, включающий подразделения казахских, киргизских и узбекских войск, действует под эгидой НАТО и при поддержке Центрального командования США [Сизов, В., 2009, с. 140].

Одним из направлений американской политики в центральноазиатском регионе до событий 11 сентября было стремление создать «буфер» вокруг России. Преследуя цель максимального ослабления позиций Москвы и недопущения ее нового усиления, Вашингтон активно способствовал созданию на базе четырех стран: Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы в 1997 г. организации ГУАМ с четко выраженной антироссийской направленностью. Организация представляет собой региональную структуру военно-политического и экономического характера, объединяющую ряд государств бывшего СССР с ориентацией на тесное сотрудничество с НАТО. По замыслу ее создателей, основой организации должна стать стратегическая ось Украина - Кавказ - Центральная Азия. Это не случайно, поскольку ось совпадает с маршрутом так называемого Евразийского транспортно-коммуникационного коридора (ЕАТКК), который призван обеспечить интеграцию прикаспийских государств Центральной Азии и Кавказа, а также стран европейской части СНГ в евроатлантическое пространство. Фактически ЕАТКК выступает экономическим фундаментом ГУАМ. В свою очередь ГУАМ является оборонной составляющей ЕАТКК.

Усилия по «демократизации» государств постсоветского пространства приобрели особую интенсивность после прихода в 2001 г. в Белый дом администрации Дж. Буша. Отсутствие значительных результатов в «продвижении демократии» и построении рыночной экономики, а, следовательно, усиления и закрепления влияния США в государствах постсоветского пространства побудили Вашингтон действовать иными методами. В отсутствие эффективных финансовых рычагов для достижения своих целей в странах СНГ, администрация США пришла к выводу, что вполне допустимо подталкивать лидеров прозападных оппозиционных сил на

постсоветском пространстве к организации массовых протестных выступлений с тем, чтобы в принудительном порядке отстранить от власти неугодных руководителей стран СНГ [Иванян Э.А., 2004, с. 209]. Предполагалось, что если в постсоветских государствах отстранить от власти «заведомо неспособных демократизироваться» бывших партийных работников или пророссийски настроенных лидеров и на их место поместить молодых, энергичных, проамерикански настроенных руководителей, то тогда политическая элита США получит желаемое в этих государствах.

Для легитимации подобных сценариев смены власти Вашингтон широко использует «поддержку мирового сообщества» в лице интегрированной сети западных неправительственных организаций (НПО), массмедиа, международных наблюдательных структур, лидеров общественного мнения и политического руководства западных стран, которые начинают играть решающую роль в интерпретации результатов выборов на постсоветском пространстве посредством управления легитимностью избирательного процесса. Так, начиная с президентских выборов в Армении весной 2003 г., ни одна избирательная кампания в постсоветских государствах не признана полностью легитимной и отвечающей демократическим стандартам со стороны международных организаций по наблюдению за выборами и США. В 2003-2005 гг. пять избирательных кампаний закончились массовыми протестами населения, в трех случаях они привели к неконституционной смене власти (Грузия, Украина, Киргизия) и в двух (Азербайджан, Армения) - к политической [Самуилов С. М. 2016, с. 147].

17 сентября 2002 г. Соединенными Штатами была принята и обнародована стратегия национальной безопасности. Новый документ качественно отличался от предыдущих тем, что он четко очерчивал позицию США по всем наиболее важным проблемам международной политики, показывал, как Вашингтон намерен строить свою политику в отношении тех или иных государств и регионов, давал достаточно полное представление о целях, задачах, а также методах их достижения. [Най Дж., 2015, с. 256].

Вашингтон разработал внешнеполитическую программу, которая касалась не только всей системы международных отношений и политики США в отношении крупных держав, но и затрагивала тем или иным образом Центральную Азию и Каспийский регион.

Данный документ еще больше продемонстрировал намерение США активно участвовать в международной политике. Это означало, что США определили для себя роль ведущей державы в мире, которая, в силу своей «беспрецедентной» военной, политической и экономической мощи, должна вести за собой все остальные государства и формировать мировой порядок на свое усмотрение.

Согласно данной стратегии национальной безопасности США должны действовать более масштабно, решительно и, если необходимо, самостоятельно для обеспечения национальной безопасности и защиты своих интересов по всему миру. Для достижения своих целей США намерены комбинировать военные, политические и экономические средства.

Для центральноазиатских государств самым важным моментом «Стратегии» явилось твердое намерение США не оставлять вне зоны своего стратегического влияния регион Центральной Азии и Каспийского моря. В частности, в шестом разделе стратегии говорилось об «укреплении энергетической безопасности США» за счет поставок энергоресурсов, в том числе и из Центральной Азии и Каспийского региона.

Однако, несмотря на заявленную декларацию об энергетической важности этих регионов для американской экономики, очевидно, что США на среднесрочную перспективу намерены, в первую очередь, установить и усилить свое стратегическое присутствие в Центральной Азии. Которое, в свою очередь, все более становится необходимым элементом американской стратегии в отношении Китая, России, Южной Азии и Афганистана, а также Среднего и Ближнего Востока.

В 2013 году произошёл крупный инцидент, который подорвал имидж США. В июне 2013 года бывший агент ЦРУ Эдвард Сноуден передал СМИ

данные об электронной слежке, которую американские спецслужбы ведут за пользователями сайтов крупнейших интернет-компаний и социальных сетей, а также о слежке США за иностранными партнерами. Это стало крупнейшей утечкой разведданных в американской истории [Валовая, М.Д., 2015, с. 216].

Сноуден разгласил сведения о существовании британской программы слежения Tempora, а также сообщил, что не пользуется iPhone из-за интегрированного программного обеспечения, позволяющего следить за пользователем. Спецслужбы Великобритании осуществляли мониторинг компьютеров и перехватывали телефонные звонки иностранных политиков и чиновников, участвовавших в саммите Большой двадцатки в Лондоне в 2009 году. Секретную работу проводили Центр правительственной связи Великобритании и Агентства национальной безопасности США. Кроме того, британские спецслужбы во время саммита перехватывали телефонные переговоры президента России Дмитрия Медведева.

2 августа 2013 года, вследствие опубликованных Сноуденом разоблачений, Германия расторгла соглашения с США и Великобританией, заключённые в 1968 и 1969 годах и позволявшие спецслужбам этих государств заниматься на территории Германии электронной разведкой, но вскоре начала заниматься подготовкой нового договора с США, запрещающего взаимный шпионаж. Испания потребовала от США разъяснений по поводу перехвата телефонных и интернет-сообщений на её территории

2.3. «Мягкая сила» США во внешнеполитическом взаимодействии с КНР

После Гражданской войны в 1949 году, Китай стал Коммунистической страной под властью Мао Цзэдуна. Из-за своих больших размеров, а также из-за своего соседства со многими странами, Китай как коммунистическая держава мог легко влиять на другие государства в политической сфере.

Правительство Соединенных Штатов выступало категорически против нового политического вектора Китая, но ничего не предприняло, когда эта новость была подтверждена формально. Никакой новой внешней политики между Китаем и США разработано не было.

В 1970-х годах Соединенные Штаты начали попытки установления взаимоотношений с Китаем, и Китай их поддержал. Одной из проблем, с которой Китай столкнулся в 1970-х годах, была в стремлении Тайваня к независимости. Чтобы угодить китайцам и улучшить отношения с правительством, президент Никсон в 1972 году подписал Шанхайское совместное коммюнике [Леонард М., 2009, 24]. В котором было заявлено, что существует только один Китай, и поэтому Тайвань является частью Китайской Народной Республики. Китай извлек выгоду из этих новых отношений через торговлю с Соединенными Штатами, а уровень доверия между Соединенными Штатами и Китаем возрос. В 1976 году умер Мао Цзэдун, его место занял Дэн Сяопин. Сяопин был широко признан молодым поколением как более либеральный лидер, который был не только сосредоточен на росте Китая, но и был заинтересован в улучшении внешних отношений.

В 1980-х годах среди молодого поколения в Китае наблюдалась западная культурная лихорадка [Вассершторм Дж., 1991, с. 26]. Произошла эволюция интеллигенции и групп студентов, обсуждающих различные политические темы. Самым успешным регионом мира за это время стал «Запад», в частности США. Благодаря этому влиянию Запада, китайский народ развил стремление к более демократичному типу руководства, к способности людей общаться со своим правительством, чтобы улучшить его, и к капиталистической экономике - все идеи, найденные ими в Соединенных Штатах. Молодое поколение было оптимистично настроено на то, что Дэн Сяопин будет тем лидером, который им нужен, и что он превратит консервативную политику правительства Китая в более либеральную. Дэн также дал понять, что он собирается развивать отношения с Соединенными Штатами с его визитом в Техас, в котором он носил ковбойскую шляпу Стетсона [Леонард М., 2009, с. 49]. Улучшение

отношений с Соединенными Штатами ознаменовало начало иностранных инвестиций, и экономика Китая отразила это. Это привело к тому, что Дэн вдруг стал намного строже, не позволив китайским студентам и интеллигенции высказать свои мнения и желания. Причины репрессий Дэна были неизвестны, но в конечном итоге они привели к событиям в последующие несколько лет.

По мере того, как западная культурная лихорадка начала 1980-х годов прогрессировала, влияние голоса Америки становилось неконтролируемым [Вассершторм Дж., 1991, 63]. Китайский народ полагался на трансляции радиостанции, чтобы оставаться в курсе событий в остальном мире, а также событий, происходящих внутри Китая. С момента начала вещания Голоса Америки, китайское правительство глушило радиосигналы передач в Китай. Эти отклонения правительства Китая от бывшего курса начали беспокоить правительство США. Этот запрет на заглушку сигнала был запрещен Международной Конвенции электросвязи от 1982 года, но китайское правительство не соблюдало этот порядок. Даже с этими помехами Соединенные Штаты продолжали внешние отношения с Китаем. Тем не менее, эти конфликты между Голосом Америки и китайским правительством стали прецедентом для беспорядков в будущем.

К 1985 году люди начали говорить о проблемах, которые, по их мнению, китайское правительство должно было разрешить. Фан Лижи, профессор астрофизики и первый проректор Научно-технического университета Китая, в 1986-1987 гг., активно выступал за радикальные преобразования в политическом аппарате Китая. Фан считал, что интеллигенция обязана выступать против того, что китайское правительство и часто заставляло студентов высказываться за свои убеждения, даже если имели иные политические взгляды. Наиболее смелые студенты, которые озвучивали свои взгляды, привели к студенческим протестам. Вопросы китайско-японских отношений стали первыми темами на вступительной студенческой демонстрации 1985 года. Интеллигенция и студенческое сообщество продолжали наращивать усилия и выражать свои мнения по целому ряду

вопросов. Правительство Китая допустило демонстрацию, скорее всего, из-за их небольшого масштаба, но Соединенные Штаты начали предсказывать возрастание недовольств и репрессии против этих студентов в ближайшем будущем. С предсказанием жестких репрессий Соединенные Штаты стали обеспокоены безопасностью студентов и их правами человека. Отношения с Китаем стали на грани прекращения. Китайское правительство продолжало глушить сигналы Голоса Америки, а также подвергало цензуре китайские СМИ. Китайские СМИ, которые могли издаваться, часто были предвзятыми и стали еще более предвзятыми в последующих событиях [Каримова Г., 2009, с. 35].

К 1989 году беспорядки в Китае стали очевидны. Процветала коррупция в правительстве, цены на потребительские товары стремительно росли [Леонард М., 2009, с. 76]. При президенте Буше Соединенные Штаты продолжали улучшать отношения с Китаем. В феврале 1989 года Президент Буш совершил визит в Китай с весьма конкретными целями. Они включали отражение важности США для Китая как сильной в военном отношении, технологически развитой страны, с которой Китай разделяет существенные интересы; заложить основу для продолжения прочных и развивающихся отношений с Китаем как средства обеспечения того, чтобы улучшение китайско-советских связей не ставило под угрозу интересы США, обеспечить уверенность в том, что дружба США с Тайванем будет осуществляться последовательно, что способствует мирному урегулированию вопроса. Имея эти цели на повестке дня, Президент Буш организовал банкет, на который он пригласил многих китайских высокопоставленных чиновников, а также Фан Личжи. Это приглашение на банкет почти разрушило отношения с китайским правительством, поскольку они считали Личжи предателем за его роль в студенческих демонстрациях 1985 и 1986 годах. Чжу Цичжэнь, вице-министр иностранных дел Китая, угрожал бойкотировать банкет из-за приглашения Фанг Личжи. Президент отозвал свое приглашение от Личжи, чтобы избежать каких-либо проблем.

4 июня 1989 года произошла кульминация инцидента на площади Тяньаньмэнь. Вечером были произведены выстрелы в районе площади Тяньаньмэнь - китайское правительство начало свои репрессии. Новости быстро распространяются не только по Китаю, но и по всему миру. Напряженность в отношениях между Китаем и Соединенными Штатами также росла. Репрессии китайского правительства не только нарушили Женевскую Конвенцию по правам человека, но и пошли вразрез с выбранным ранее правительством Китая вектором развития политики. Голос Америки транслировал новости о событиях по всему миру, но снова подверглась цензуре внутри Китая. The Washington Post и The New York Times развернули события для граждан Соединенных Штатов, вызвав возмущение многих людей и заставив многих задаться вопросом, почему Соединенные Штаты не вмешались. Многие считали, что действия китайского правительства являются нарушением основных прав человека. Но «Соединенные Штаты были настолько нацелены на улучшение своих отношений с Китаем, что, к своему стыду, они ничего не сказали» [Шелов-Коведяев, Ф.В., 2009, с. 178].

Сразу после этого события, США ввели санкции против Китая, которые заключались в следующем: приостановление продаж и американского экспорта в Китай; заморозка обменов венного руководства; приостановка обмена с должностными лицами на уровне или выше ранга помощника государственного секретаря; перенос какой-либо помощи или кредитов от международных финансовых институтов. Также была приостановлена деятельность заграничной частной страховой корпорации США. Агентство по торговле и развитию приостановило все новые виды деятельности с Китаем. После того, как мир узнал о событиях на площади Тяньаньмэнь, правительство Китая стало это отрицать [Вассершторм Дж., 1991, с. 97]. Из-за этого Соединенные Штаты чувствовали, что Китаю нужно будет «заплатить цену с точки зрения их собственной легитимности», как в случае с их новой репутацией, полученной после четвертого июня. Незнание китайского правительства не подходит для страны, которая должна была быть связана с Соединенными Штатами.

1990-е годы ознаменовали десятилетие напряженных отношений, а также борьбу за улучшение экономики Китая. Экономика Китая восстанавливалась после короткого спада 1989 года, который произошел из-за конфликта в Пекине. После 1991 года экономика Китая снова начала расти. В знак протеста против разгона на площади Тяньаньмэнь, в сентябре 1992 года Президент Буш одобрил продажу истребителей из Соединенных Штатов Тайваню. Это считалось отступлением от неофициального коммюнике 1979 года, в котором говорилось, что Соединенные Штаты не будут продавать оружие Тайваню. Это, в конечном итоге, привело к ещё более враждебным отношениям между Китаем и Соединенными Штатами [Сизов, В., 2009, с. 223с]

В 1993 году президент Клинтон решил использовать экономические рычаги для продвижения демократии в Китае, только позволив Китаю быть наиболее благоприятствуемой торговой страной, если они осуществят конкретные улучшения в области прав человека. Это было потому, что считалось, что Китай добился прогресса только в сфере экономики. Их рациональным является то, что, несмотря на (или из-за) продолжающиеся экономические преобразования Китая, Коммунистический режим был в состоянии противостоять подлинным политическим изменениям.

Сразу же после потери Китая как одной из наиболее благоприятствуемых торговых стран Соединенных Штатов в 1993 году, Экономика Китая получила удар, растущий гораздо меньше, чем он испытывал в годы до разгона Тяньаньмэнь. Китай начал принимать более глобальные подходы, чтобы улучшить свои отношения с Соединенными Штатами. Это было достигнуто путем голосования в поддержку американских войск в Персидском заливе, подписания Договора о нераспространении ядерного оружия, присоединения к режиму контроля за ракетными технологиями и продвижения мира в Камбодже [Каримова Г., 2009, 34].

В течение 2000-х годов в Китае стали налаживаться внешние связи с США. В сентябре 2000 года Соединенные Штаты приняли закон «О постоянных нормальных торговых отношениях». Он гарантировал китайским

товарам такой же доступ к рынку Соединенных Штатов по низким тарифам, как и товарам из большинства других стран. Затем, в 2001 году, Китай был допущен во Всемирную торговую организацию, подняв ее экономику на совершенно новый уровень. В 2002 году китайский Президент Цзян Цзэминь и Джордж Буш встретились и договорились работать вместе, чтобы принимать решения в теме с Северной Кореей и её ядерного оружия. Это сотрудничество стало важной вехой. Китай, который ушел от коммунистического врага Соединенных Штатов, теперь является союзником в войне против ядерного оружия, даже против другой коммунистической страны.

В ноябре 2009 года по прибытии в Пекин, Б. Обама стал первым президентом США, посетившим Китай в течение первого года пребывания в должности. Даже в условиях спада экономических взаимоотношений, он придавал большое значение и возлагал большие надежды на американо-китайские отношения. У Обамы не было особых контактов с Китаем, и во время его инаугурации знания Обамы о Китае были относительно ограниченными. Фактически, визит президента Обамы в 2009 году был его первым личным опытом в Китае. В отличие от многих своих недавних предшественников, которые посещали Китай до того, как стать президентом, Обама никогда не был в Китае до поездки. Как юрист и первый афроамериканец, избранный президентом, Обама считал вопросы гражданского общества и прав человека особенно важными и рассматривал Китай с учетом этих интересов. Визит был сложным, и Обама был застигнут врасплох целым рядом подводных камней. Например, у него было немного шансов вступить в подлинный и широкий диалог с людьми из различных слоев общества, особенно с молодыми студентами колледжей. Американские СМИ широко планировали дебют Обамы в Китае, утверждая, что он был во главе китайцев и не смог выразить американские ценности [Най Дж., 2015, с. 169].

В 2010 году устами американского истеблишмента была озвучена адресованная китайскому руководству идея оформления из США и Китая «большой двойки» сверхдержав G2, однако Китай остался верен концепции

многополярного мира и отклонил данное предложение, усмотрев в нём прежде всего средство разделения ответственности за доминирующую американскую внешнеполитическую деятельность, с которой часто не согласен [Лебедева М.М., 2013].

В 2012 году тайваньский учёный Ли Инмин заявил, что взаимоотношения между США и Китаем можно охарактеризовать «и ожесточенной конкуренцией, и сложным сотрудничеством, и взаимным ограничением друг друга, и взаимосвязью — такие отношения считаются новыми». Он отмечает, что это характерно нынешним международным отношениям. Наш мир в основном входит в эпоху «мягкой войны», которая отличается от бывшей «жесткой войны» [Валовая, М.Д., 2015, с. 267]. Китайско-американские отношения не могут стать конфронтационными подобно советско-американским времён холодной войны; они также не могут быть союзническими подобно отношениям США с Японией, Европой и Великобританией.

К 2018 году во взаимоотношениях КНР и США всё больше стала прослеживаться линия «жестких» мер. 22 марта в Вашингтоне был подписан меморандум о комплексе торговых мер против Китая, предусматривающий введение пошлин и ограничение китайских инвестиций в компании США. Предполагалось, что пошлины коснутся более 100 наименований, для производства которых Пекин якобы «похитил у американских компаний информацию». В ответ на действия США 4 апреля 2018 г. китайское правительство утвердило 25-процентные пошлины на 106 наименований американской продукции

2.4. Перспективы реализации «мягкой силы» как инструмента внешней политики США: ситуационный анализ

Этап 1: предыстория

Цель анализа: определение перспектив применения концепции «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе США при Дональде Трампе и места США в мировом сообществе.

Актуальность объясняется сменой политического деятеля в США и, соответственно, взглядов на внешнюю политику страны, что не может не влиять на мировую обстановку в целом.

Рассмотрим предшественника Дональда Трампа для понимания данной ситуации.

Предшественником Трампа был Барак Обама, ставший первым афроамериканцем, выдвинутым на пост президента США, и первым в национальной истории глав государства темнокожим президентом. С самого начала президентства он занялся реформациями в областях экономики и здравоохранения. 9 октября 2009 года он получил Нобелевскую премию мира, во многом благодаря своему обещанию добиться сокращения ядерных арсеналов, данному в начале 2009 года. Члены Нобелевского комитета сочли достойными награды усилия Обамы «в укреплении международной дипломатии и сотрудничества между людьми». Все ожидали увидеть в нём президента, который бы руководствовался принципами «мягкой силы» во внешней политике [Най Дж., 2015, с. 185]. Но Обама не сдержал своих обещаний. В течение 2009 года Обама дважды усиливал американский контингент в Афганистане. В феврале туда было отправлено 17 тыс. военнослужащих. В декабре Обама объявил об отправке ещё 30 тыс. военнослужащих, подчеркнув при этом, что США не заинтересованы в оккупации Афганистана. К концу года американский контингент в Афганистане уже насчитывал около 70 тыс. военнослужащих, и после прибытия подкрепления достиг 100 тыс. за год в Афганистане погибло вдвое больше солдат, чем в Ираке. В целом 2009 год стал самым кровопролитным для американских сил в Афганистане с начала контртеррористической операции. За

первые полтора года президентства Обамы в Афганистане погибло столько же американских солдат, сколько за оба президентских срока Джорджа Буша-младшего (с начала войны в 2001 году и до конца 2008 года) [Игорь Гашков, 2016, дата обращения: 22.02.2018]. После переизбрания Обамы на выборах в 2012 году вместо ожидаемого затишья, дающего возможность реализовать поставленные президентом задачи, одно за другим стали происходить негативные события, которые привели к снижению рейтинга Барака Обамы. Ситуация вокруг нападения на консульство США в Бенгази, проблемы с запуском реформы здравоохранения и работой сайта healthcare.gov, колебания при принятии решений вокруг ситуации с химической атакой в Сирии, информация о том, что налоговые службы якобы притесняют правые организации, тайный доступ к телефонным разговорам журналистов, скандал вокруг разоблачений Эдварда Сноудена и другие события привели к ухудшению имиджа Барака Обамы и снижению его популярности.

Этап 2: текущая ситуация

Ключевые направления во внешней политике Трампа, о которых он заявил 22 ноября 2016 года были следующими: выход США из Транстихоокеанского партнёрства, снятие ограничений на добычу всех энергоносителей, разработка плана киберзащиты страны, пересмотр иммиграционной политики с целью сохранения рабочих мест для американских граждан и постройка стены на границе с Мексикой. Трамп также был намерен отменить 60-70% указов Обамы. 1 июня 2017 года Дональд Трамп заявил о выходе США из Парижского соглашения по климату. Затем он отменил свой визит в Лондон, назвав причиной нежелание открывать новое американское посольство.

Ситуация в стране остается непростой: уровень доверия к Трампу упал, США всё чаще прибегают под его руководством к «жёсткой силе». Не только известные политологи по типу Джозефа Ная, но и обыватели винят Трампа в

ухудшении имиджа США. Это происходит во многом по той причине, что новый президент Дональд Трамп отказался от политики «стратегического терпения» в отношении традиционных противников США (таких как Иран и Северная Корея), проводимой предыдущей администрацией во главе с Баракком Обамой. Трамп активно использует изоляционистскую и популистскую риторику и в целом доказал, что предпочитает как раз «жесткую силу». Но отдельные аспекты «мягкой силы» остаются в силе. Популярная культура США (кино, телевидение и музыка) всё так же влиятельна как никакая другая

Этап 3: анализ значимых факторов

Цивилизационный фактор - США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как локальные. Локальная цивилизация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции. США обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им. Демократические ценности, свобода, «американская исключительность», этими признаками можно выделить американский народ. В целом можно говорить об американской цивилизации как самостоятельном историческом феномене.

Территориальный фактор – Дональд Трамп выступает за закрытие границ США для мигрантов. Возведение стены вдоль мексиканской границы стало одним из основных пунктов программы Трампа во время выборов. После того как он официально возглавил страну, он смог добиться начала строительства заграждений на мексиканской границе. Туда входят не только стена, но и системы видеонаблюдения, беспилотные летательные аппараты и прочие элементы технического контроля за линией разграничений между странами.

Внутриполитический фактор - для США победа Трампа означала то, что в целом внутренняя политика его предшественника Барака Обамы не будет продолжаться. Это касается в первую очередь социальной сферы, экономики, принципа открытых дверей для мигрантов. В то же время Трамп в ходе предвыборной кампании не раз выступал за резкие действия в отношении тех или иных государств, к примеру, в отношении Ирана и КНДР.

Экономический фактор - Федеральная резервная система США повысила процентную ставку до 1,25-1,5% с 1-1,25% годовых в середине декабря. Ранее регулятор повысил ставку в июне — до 1-1,25% и в марте — до 0,75-1% годовых. Такой подход нетипичен для ФРС. В 2015 и 2016 годах, для сравнения, организация решилась на повышение по одному разу. В 2007–2008 годах регулятор и вовсе постепенно понижал планку до тех пор, пока она не достигла минимальной отметки 0-0,25% в декабре 2008 года.

Политика ужесточения в области монетарной политики была связана с ростом экономических показателей и прогнозов. Так прогноз на 2018 год по росту ВВП США также улучшен — до 2,5% с 2,1%, по инфляции — остался на уровне 1,9%, а по безработице — снижен до 3,9% с предыдущего прогноза в 4,1%. В долгосрочной перспективе ФРС ожидает роста экономики США в среднем на 2%, безработицу в 4,7% и инфляцию на отметке 2% [РИА Новости, 2018, дата обращения: 24.04.2018].

Внешнеполитический фактор – во внешней политике Трамп продвигает свой девиз «Сделаем Америку снова великой». Под конец первого года своего президентства Трамп объявил о переносе американского посольства в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим и, соответственно, его признания в качестве столицы. 8 мая 2018 года он объявил о выходе США из шестистороннего соглашения по ядерной программе Ирана и дальнейшего введения санкций. После долгих резких заявлений как со стороны администрации США в сторону КНДР, там и со стороны КНДР к США, к концу весны 2018 года они всё чаще стали говорить о необходимости взаимодействия и последующей официальной

встречи глав государств. Также Трамп берёт курс на тесное сотрудничество с Казахстаном. [РИА новости, 2018, дата обращения: 24.04.2018].

Демографический фактор - В стране в настоящее время население составляет 327 млн. человек. Из них 56% - протестанты, 20% - католики, 12% населения не принадлежат ни к одной из конфессий, остальные религии занимают меньше 1% от населения. В США существует строгое разделение религии и государства, и вероисповедание считается строго личным делом граждан.

Согласно опросу, проведённому Институтом Гэллапа в 134 странах, только 30% американцев сегодня одобряют руководство США. Это рекордно низкий показатель, на 18% ниже, чем при президенте Бараке Обаме. А в рейтинге Soft Power 30, измеряющем эффективность использования «мягкой силы», США в 2017 году соскользнули с первого на третье место, уступив Франции и Великобритании.

Геополитический фактор - С точки зрения американской экономики в целом, американская геополитика по большому счёту контрпродуктивна — она создаёт дополнительные риски для нефтяного рынка, цены идут вверх, американской экономике это отнюдь не идёт на пользу.

С точки зрения конкретно американского нефтяного сектора (который политически близок Трампу), всё наоборот. Сланец вообще может хорошо зарабатывать только в таких условиях.

С точки зрения давления на Китай, повышение нефтяных цен это тоже плюс, так как Китай — крупнейший импортёр нефти на планете, для него рост цен — это головная боль.

Этап 4: характеристика участников

Иран – Дональд Трамп в мае объявил, что Америка выходит из договора с Ираном. Согласно этому договору, подписанному США, Францией, Германией, Великобританией, Китаем и Россией, Иран может обогащать уран лишь до

уровня 3,67%. Для производства ядерного оружия требуется уран с содержанием урана-235 на уровне 90%. В обмен на приостановку производства оружейного урана режим санкций, наложенный на Иран, был ослаблен. В договоре также говорится, что Иран может разрабатывать элементы центрифуг, но при условии, что он не будет их использовать в течение 10 лет.

Президент Трамп заявлял, что эти условия недостаточны и не ограничивают ядерные амбиции Ирана, и вывел США из этого договора.

Дональд Трамп объявил торговую войну ЕС, Канаде и Мексике. Американский президент принял решение ввести таможенные пошлины на сталь и алюминий из этих стран. С 1 июня пошлины составят 25% на сталь и 10% — на алюминий. В свою очередь глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил, что решение США противоречат нормам Всемирной торговой организации (ВТО). Вашингтон не оставляет Брюсселю ничего другого, как ввести ответные меры. Как американские односторонние действия отразятся на экономическом состоянии ЕС, Канады и Мексики.

Франция - оба лидера стараются не связывать себя условностями старого политического истеблишмента, оба хотят выглядеть сильными лидерами, и к тому же между ними есть и реальные политические разногласия. Дональд Трамп открыто поддерживал соперницу Макрона на выборах, Марин Ле Пен. В отношении самого Д. Трампа, испытывающего колоссальное давление в США, Э. Макрон выступает в качестве партнёра, стремящегося протянуть руку американскому президенту, ввести его в устоявшийся круг мировых лидеров. Расчёт Парижа строится на том, что «тактика вовлечения» смягчит позицию Д. Трампа по ключевым для французской дипломатии сюжетам (особенно по климату). Кроме того, в качестве платы за помощь Парижа американскому президенту в его «легитимации» США могут в будущем поддержать французскую позицию по тому или иному вопросу. [Алексей Чихачев, 2017, дата обращения: 22.02.2018].

Этап 5: прогноз развития

Рейтинг американского лидера Дональда Трампа стремительно падает - граждане страны недовольны работой главы страны. Об этом свидетельствуют данные независимого центра Ifor.

Итог следующий: чуда не произошло, «нового» в нём не оказалось, величия (лозунг его кампании – «сделаем Америку снова великой») не будет. «Мягкая сила» сходит на «нет», другие страны вводят в отношении США контрмеры в виде контрсанкций, военные действия в Сирии привели к ядерному удару США и подрыву американских ценностей. [РИА новости, 2018, дата обращения: 27.04.2018].

Резкое падение рейтинга Д. Трампа наводит на следующие соображения о ближайшем будущем его президентства и «мягкой политике» США:

Первое. Для США, проводящих изоляционистскую политику, естественно отворачиваться прочь от стран и целых регионов. Запрет Трампа на иммиграцию способствует снижению востребованности и веса этой страны на Ближнем Востоке. Если США не будут пускать к себе иммигрантов из Центральной Америки и из стран Карибского бассейна, эффект будет тот же самый. На самом ли деле Америке нужно больше людей из Европы? Возможно, если учитывать то, что Трамп своими действиями разрушает доверие к США на этой стороне Атлантики. [РИА новости, 2018, дата обращения: 27.04.2018].

Второе. По подсчетам Института экономической политики, из-за дефицита в торговле с 11 странами пакта, размер которого оценивают в 177,9 млрд долларов, в 2015 году ВВП США уменьшился на 284,6 млрд долларов, а также было сокращено около 2 млн рабочих мест. [РИА новости, 2018, дата обращения: 27.04.2018].

Какой же путь развития «мягкой силы» США ждёт США при Трампе?

1. По сумме факторов, скорее всего Вашингтон будет и дальше считать, что его действия, которые ведут к росту цен - вполне оправданы. Санкции в отношении к Ирану, России, повышение торговых пошлин с рядом крупных государств и ЕС, война в Сирии, резкие высказывания, которые активно муссируются и осуждаются в СМИ. «Мягкая сила» сходит на «нет», имидж и

доверие стран мировой арены к США падает. Средне вероятный подход, так как он запустился ещё со вступления на должность президента Трампом.

2. Трамп постепенно сходит с позиции резких заявлений и действий, и администрация во главе с ним решает, что с другими странами можно и нужно вести диалог в концепции «мягкой силы», санкционная политика не должна означать прекращение сотрудничества, а политика сдерживания ошибочна и ведет в никуда. Малая вероятность данного исхода.

3. Наибольшая вероятность исхода – усреднённый вариант между первым и вторым. Трамп будет продолжать вести внешнюю политику США «жесткой силой», но запущенные задолго до прихода Трампа к власти интеграционные процессы вынудят Трампа к компромиссам. «Мягкая сила» наберёт высоту только при следующем президенте.

Вывод: исходя из проведенного анализа наиболее вероятным развитием ситуации мы считаем отсутствие роста «мягкой силы», но и отсутствие роста «жесткой силы». Поскольку рейтинг Трампа остаётся достаточно низким, ему невыгодно усугублять свой имидж, а вместе с ним и имидж США.

Заключение

Американцы вновь открыли для себя необходимость в общественной дипломатии после 11 сентября, но всё еще не приспособились к сложностям обладания мягкой силой в информационную эпоху. В настоящее время некоторые люди считают упразднение ЕСИА ошибкой, но нет единого мнения относительно его воссоздания, в отличие от реорганизации его функций, которые были распределены внутри Госдепартамента. Совет управляющих вещания осуществляет надзор за Голосом Америки, а также рядом специализированных станций, которые сосредоточены на конкретных странах. Ряд полезных шагов, таких как создание Радио Сава и радио Фарда, который вещает на Иран. В Белом доме создан офис глобальной коммуникации. Но требуется гораздо больше.

Возможно, наиболее поразительным является низкий приоритет и нехватка ресурсов, выделяемых на производство мягкой силы. Совокупная стоимость программ Государственного департамента в области общественной дипломатии и международного вещания США составляет чуть более миллиарда долларов, или около 4 процентов бюджета страны на международные дела, около 3 процентов от бюджета разведки, и 29 процентов от военного бюджета. Если бы США тратили один процент военного бюджета на общественную дипломатию то, что Ньютон Минноу называет «один доллар для запуска идей на каждые 100 долларов, которые мы инвестируем для запуска бомб», – это будет означать почти в четыре раза больше существующего бюджета. Как показано в таблице 1, Соединенные Штаты по-прежнему инвестируют в ресурсы мягкой силы гораздо меньше, чем инвестируют в неё другие крупные страны.

Не менее важно обеспечить большую согласованность политики между аспектами общественной дипломатии и связать их с другими вопросами. Например, несмотря на снижение доли рынка для иностранных студентов,

правительство США, кажется, недостаёт во всём стратегического чувства, потому что обмен важен, и в этом стратегическом вакууме, трудно противостоять изо дня в день препятствиям, с которыми студенты сталкиваются в попытке приехать сюда. Практически отсутствует координация обменной политики с визовой политикой. После 11 сентября американцы стали больше бояться. Как отметил один из наблюдателей, что «хотя, безусловно, необходимо проявлять большую бдительность, эта широкая сеть охватывает все типы людей, которые не представляют никакой опасности». Бессмысленно препятствовать таким людям приезжать в Соединенные Штаты, такая политика подрывает наши ресурсы мягкой силы.

Общественная дипломатия нуждается в большей поддержке в Белом доме. Целевая группа по общественной дипломатии Совета по международным отношениям призвала к созданию офиса, который будет называться координационной структурой общественной дипломатии в Белом доме, возглавляемый назначенцем от президента. Кроме того, можно было бы создать новые институты для содействия мобилизации частного сектора. Этого можно было бы также добиться путем создания некоммерческой организации под названием «Корпорация общественной дипломатии» для организации усилий частного сектора. Успешная стратегия должна быть нацелена не только на трансляцию американских сообщений, но и на двустороннюю связь, которая в большей степени затрагивает неправительственные аспекты общества.

Общественная дипломатия нуждается в большей поддержке в Белом доме. Целевая группа по общественной дипломатии Совета по международным отношениям призвала к созданию офиса, который будет называться координационной структурой общественной дипломатии в Белом доме, возглавляемый назначенцем от президента. Кроме того, можно было бы создать новые институты для содействия мобилизации частного сектора. Этого можно было бы также добиться путем создания некоммерческой организации под названием «Корпорация общественной дипломатии» для организации усилий частного сектора. Успешная стратегия должна быть нацелена не только на

трансляцию американских сообщений, но и на двустороннюю связь, которая в большей степени затрагивает неправительственные аспекты общества.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Интервью с американскими экспертами по евразийской политике профессорами Спеклер Д. и М. / Информационно-аналитический центр МГУ. 23 июня 2008 г. [Электронный ресурс]. - URL: www.centrasia.ru/NewsA.php?st=1213857720
2. Крейгор Н., Адмирал Мэхэн: геополитическая доктрина «морской силы». Режим доступа: <http://forum.msk.ru/00261Q0033/html27>
1. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики. // Вестник МГИМО-Университета, 2013
2. Най, Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения: / Джозеф С. Най // Свободная мысль-XXI. - 2004. - № 10. - С. 20-24 развития // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1 (28). С. 38.
3. РИА новости
4. Соловьев Э. От «военного гуманизма» к «вооруженному идеализму». Эволюция американских подходов к миропорядку // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. Т.1. №2. Май-Август 2003. С.50.
5. Стратегия национальной безопасности США
6. Филоник А.О. «Глобализация и арабский мир». // Сборник «Ближний Восток и современность». Выпуск 11. М., 2001.С.41
7. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm>
8. Bureau of Budget and Planning // U.S. Department of State
9. Deibel T., Walter Roberts, Culture and Information: Two Foreign Policy Functions (Beverly Hills: Sage Publications, 2006), pp. 14-15

10. Harold Lasswell cited in Philip M. Taylor, *British Propaganda in the 20th Century*, (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999), p. 37
11. Islamism, the Arab Spring, and the Failure of America's Do-Nothing Policy in the Middle East. – Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/middle-east-egypt-us-policy/409537/>
12. Jane Holl Lute, paper prepared for the Aspen Strategy Group, August 2003
13. Kroes R., *American Empire and Cultural Imperialism*. Режим доступа: http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/2005/ghi_12/www.ghi-dc.org/conpotweb/westernpapers/kroes.pdf (дата обращения 24.04.18)
14. Maack M. N., «Books and Libraries as Instruments of Cultural Diplomacy during the Cold War,» *Libraries and Culture*, 36 (Winter 2011), p. 66
15. Priest D., «A Four Star Foreign Policy? U.S. Commanders Wield Rising Clout, Autonomy,» *Washington Post*, September 28, 2000, p. A1
16. Rosaleen Smyth, «Mapping US Public Diplomacy in the 21st Century,» *Australian Journal of International Affairs*, 2001, p. 429
17. Rosenberg E., *Spreading the American Dream* (New York: Hill and Wang, 1982), p.79
18. Stephen Johnson and Helle Dale, «How to Reinvigorate US. Public Diplomacy,» *The Heritage Foundation Backgrounder*, No. 1645, April 23, 2003, p. 4

Литература:

19. Алексеева Т. А. *Насилие и демократия в политике США // Международные процессы*. - 2008. - № 2. 339 с.
20. Алексеева Т.А. *Современная политическая мысль (XX–XXI вв.)* – М, 2000, 479 с.

21. Астафьева, Е.М. «Жесткое» влияние «мягкой силы». -М, 2009, 128 с.
22. Богатуров А.Д. «Стратегия разравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2001, 209 с.
23. Братерский М. В. Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия // США - Канада. - М., 2002, 304 с.
24. Валовая, М.Д. Политика. Учебник: - М.: Магистр, 2015, 335 с.
25. Вся политика: Хрестоматия. Под. ред. В. Д. Нечаева, А. В. Филиппова. // М. Издательство «Европа». 2006, с. 201
26. Геополитика: Учебник: под общ. ред. В.А. Михайлова; - М.: Изд-во РАГС, 2007, 456 с.
27. Давыдов, Ю.П. Жёсткая и мягкая сила в международных отношениях. 2007, 268 с.
28. Дугин, А.Г. Проект «Евразия»: / М.: Эксмо, 2004. 380 с.
29. Зеленев, И.В. Геополитика и геостратегия: / - СПб.: Питер, 2005, 456 с.
30. Иванян Э.А. История США. М.: Дрофа, 2004, 216 с.
31. Истягин, Л. Влиятельный компонент «мягкой силы» // Мировая экономика и международные отношения. –М., 2009, 122 с.
32. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках Азиатских цивилизационных пространств / Современные междунар. отношения. 2009. 32 с.
33. Козырев, Г.И. Политология: Учеб. пособие: / - М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2009, 367 с.
34. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013, с 141.
35. Леонард М., О чём думают в Китае?, Астрель, 2009, 224 с.
36. Мадатов А. С. Пространственно-временные измерения демократии // Общественные науки и современность. – 2008, 261 с.

37. Най, Джозеф С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике: / - Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004, 192 с.
38. Наумов А., «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США, 2016, 205 с.
39. Най Дж. // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 1.
Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2016, 562 с.
40. Политология: Учебник: / ред. В.Д. Перевалов. 2-е изд., -М.: НОРМА, 2009, 511 с .
41. Рукавишников О.В. Холодная война, холодный мир: Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. - М., 2005, 215 с.
42. Самуилов С. М. Этапы политики США в отношении СНГ, -М., 2016, 261 с.
43. Сизов, В. Фактор силы в политике США, 2009. - № 2. 340 с.
44. Токвиль А. Демократия в Америке. - М., 1992. 25 с.
45. Трибрат, В. "Мягкая безопасность" по Джозефу Наю: // Международные процессы. - 2005. - № 1. 219 с.
46. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2013. 129 с.
47. Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. М.: РУДН, 2012. 172 с.
48. Шелов-Коведяев Ф.В. Безопасность Евразии. –М. 2009, 113 с.
49. Blinken A. J., “Winning the War of Ideas,” in Alexander T. J. Lennon, ed., The Battle for Hearts and Minds: Using Soft Power to Undermine Terrorist Networks (Cambridge, MA: MIT Press, 2003), p. 287
50. Ross Ch., “Public Diplomacy Comes of Age,” in The Battle for Hearts and Minds (Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2003), p. 252.

51. Frank A Ninkovich, The Diplomacy of Ideas: US foreign policy and cultural relations, 1938-1950, (Cambridge: Cambridge University Press, 1981), p. 176.
52. Wasserstorm J., Student Protests in 20th Century China: The View from Beijing. Stanford University Press, Stanford, CA, 1991
53. Kagan R., Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. -M.: РОССПЭН, 2004, 159 c
54. Nye J.S. // Soft Power: The Means to Success in World Politics. p.10, 2003.
55. Nye J.S. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 2006. February, 23.
56. Zakaria F., The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad, 2009, 330.

Приложение 1

Страна	Бюджет публичной дипломатии (в долларах США)	Военный бюджет (в долларах США)	Год
США	1,12 млрд.	347,9 млрд.	2002
Франция	1,05 млрд.	33,6 млрд.	2001
Великобрит ания	1 млрд.	38,4 млрд.	2002
Германия	218 млн.	27,5 млрд.	2001
Япония	210 млн.	40,3 млрд.	2001